

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

в мѣсяцъ "Уніонъ"
состоится
АНОНСЪ. состоится ТОЛЬКО ОДИНЪ
ВЪ ЗАЛѢНОВОЙ БИРЖИ
Въ улицѣ, номеръ 6, строеніи

Концертъ Мариі Ивановны Долиной

ГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 1 (115)

март 2021 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Музейные находки.
Из архивов Александра Козачинского

стр. 5

Большой террор.
Судьба капитана Балашова

стр. 6

Исторические хроники.
Усадьба Курисов

стр. 8-9

«Человек – явление цельное».
Вадим Ланда

стр. 10

Одесская династия: врачи Гешелины

стр. 12

Далекое – близкое.
Одесса. 10 апреля 1854 года

стр. 14

22 февраля во Всемирном клубе одесситов чествовали Юбилера. Члены Президентского совета ВКО, члены Клуба и близкие друзья собрались, чтобы поздравить с 70-летием известного одесского сценариста и ведущего, одного из основателей Юморины, участника КВН, соавтора одесских юмористических и культурных проектов Игоря КНЕЛЛЕРА.

Почетного члена Всемирного клуба одесситов поздравил и мэр Одессы Геннадий Труханов, отметив вклад Игоря Кнеллера в культурную жизнь Одессы, в дело сохранения и приумножения славы нашего города как столицы юмора. Юбилер отмечен Почетным знаком Одесского городского головы «За заслуги перед городом». Поздравляем Игоря Герцевича с заслуженной наградой!

Фото: Борис БУХМАН

В продолжение темы – материал на стр.3

✉ **Здравствуйтесь Леонид!**
Большое спасибо за ответ! Связаться с Вами мне посоветовал Юрий

Михайлик, а email дал Вадик Зубарев. Дело в том, что я ищу Сергея Георгиевича Никулина. Он опубликовал книгу воспоминаний своего отца, который был близким другом моего дяди – Николая Куклова, пропавшего без вести в первые дни войны. Я, правда, нашёл человека, который, похоже, и есть тот самый С.Г. Никулин. Он является директором ЧерноморНИИпроекта. На сайте, к сожалению, есть только его рабочий телефон. Если у Вас есть его email, это бы помогло более эффективно контакту.

**С уважением,
Анатолий Куклов.**

✉ Мне, сыну одессита, раненного при обороне родного города, было очень приятно узнать о существовании Вашего замечательного Клуба.

И, хотя я родился и вырос далеко от Одессы, всё равно чувствую себя немножко причастным к величию этого города.

А это Вам маленький привет от моего папы. Надеюсь, понравится. Жаль, не удалось прикрепить ссылку на подборку папиных афоризмов, мастером написания которых он был.

С пожеланием всего самого доброго Одессе и её добрым ангелам-хранителям.

Ваш Геннадий.

✉ Лёня, спасибо!
Какой славный проект «Они оставили след в истории Одессы» вы затеяли! И как чудно, что столько лет он существует. Удивительная возможность прикоснуться к памяти и близких, и знакомых, и незнакомых...

Вот, прикоснулся к последнему камешку – памяти С.Лившина, и не удержался – пошёл бродить по «проекту». Какие имена, какие судьбы!

Спасибо!

✉ **Добрый день, уважаемые коллеги!**
Наша читательница ведет серьезную научную деятельность по теме Самарского театра, и ей для работы очень нужно ознакомиться с главами из книги Остроухова Н.В. Одесский оперный театр в историческом пространстве и времени. Одесса, Астропринт, 2013.

Глава 10 – Антреприза Джованни Фолетти, с. 287-318;

Глава 11 – Конец эпохи Первого городского театра, с. 319– 326.

Может быть, есть возможность помочь нашей исследовательнице? Мы будем очень признательны за ответ!

**С уважением,
Константинова Юлия Алексеевна,
edd@libsmr.ru зав.отделом
межбиблиотечного абонемента
Самарской областной универсальной
научной библиотеки.**

✉ Леонид, огромное спасибо за ответ и хлопоты по нашему запросу! Желаем всему Вашему коллективу творческих успехов и здоровья! Если будет нужна какая либо информация из наших фондов, мы всегда рады помочь!

**С уважением,
Константинова Юлия Алексеевна.**

✉ **Здравствуйтесь!** Очень хочу приобрести книгу Олега Губаря «Мифы и легенды старой Одессы».

Как я могу это сделать?

**С уважением,
Матвейчук Елена.**

✉ **Уважаемый Евгений Михайлович!**
Прошу прощения, если моё письмо будет некстати и придётся в тягость. Его оправдывает лишь то, что я долго к нему готовился и ждал уважительного повода. Повод появился: в «Южном сиянии» вышел мой венок к годовщине Э.Багрицкого. Я сгрёб в кучу тексты, по которым можно проследить отношения Э.Б. и моего деда Михаила Александровича Зенкевича, да и вообще приязнь Эдуарда к акмеизму. Если сможете – взгляните критическим взглядом. Там раскрыта одна из многих тайн Зенкевича. Примерно в 1905 году он жил в Одессе для учёбы в Новороссийском университете (почему-то не доучился, уехал за границу); после революции он предал этот факт забвению и впоследствии, очевидно, больше в городе не бывал, хотя обожал Крым (его жена – из Симферополя).

Темой Зенкевича и его окружения я занимаюсь уже очень давно. Чем дальше – тем больше всплывает вопросительных частностей. Вот, например, всё тот же Новороссийский университет – что сохранилось от его канцелярии? рожки да ножки? или же личные дела и ведомости спасены в архивах?

С 1912 года Зенкевич-поэт – поначалу заочно – присутствовал в сознании тогдашнего одесского молодняка. Затем в Москве он сталкивался почти со всеми из них – с Олешей, Тарловским, Липкиным, а главное, конечно, с Багрицким. И с Катаевым тоже: по устному сообщению моего отца, однажды на крымском отдыхе до Отечественной войны Зенкевич как-то неловко пошутил по адресу Валентина, тот насмерть обиделся, навсегда перестали общаться. Все эти эпизоды наверняка где-то и как-то отпечатались.

Борис Бобович в 1971 году в письме к юбилею Зенкевича обмолвился, что пишет мемуарную книгу. Известно ли Вам что-либо о ней?

Что касается неуловимых старых публикаций, то я не раз встречал отсылки к статье «Цех поэтов» Василия Галахова (то бишь Гиппиуса) в пятом номере одесской «Жизни» 1918 года. Но журнал – абсолютно эфемерный. Лежит ли он в хранилищах? Сколько времени он издавался?

Возможно, Вам попались упоминания о Зенкевиче в других одесских изданиях 1910-х и 1920-х (в «Сиянии» мной перепечатана забытая рецензия Багрицкого в «Моряке» на немецкие переводы Зенкевича), в переписке одесского литературного круга, в посвящениях к чьим-то опубликованным и неопубликованным стихам? Любое такое сообщение – большая ценность для меня. Биография Зенкевича до сих пор не написана. Кандидатов на эту работу, кроме меня, нет. Так что любая мелочь из Ваших рук станет подарком.

Напоследок хочу сообщить, что Лев Турчинский, мой близкий знакомый, интересуется, дошла ли к Вам бандероль. На всякий случай – его мейл: levtur@mail.ru.

**С уважением и лучшими пожеланиями,
Сергей Зенкевич, sezenkevich@gmail.com**

Комментарий: редакция «Всемирных одесских новостей» отправила внуку Михаила Зенкевича скан статьи из одесского журнала «Жизнь».

✉ **Здравствуйтесь, уважаемый Клуб Одесситов!**
Я в поисках армейского друга своего дедушки. Пётр Малецкий. Демобилизовались в 1964 году. Из Одессы (ул. Пушкинская).

Родители Петра ходили в море. Ещё была сестра, также в их семье была домработница, тётя Паша. Возможно, он ещё жив. Пожалуйста, будьте так добры выйти на связь. Хочется, чтобы дедушка увиделся со своим армейским другом который «так отменно играл на баяне, что аж сердце пело». Жизнь воспоминаниями.

Ранее я жила в Одессе и, не поверите, совсем недалеко от улицы Пушкинской, в переулке Вознесенском, но эмигрировала в Германию и, к сожалению, совсем недавно узнала о друге своего дедушки. Почему-то даже в мыслях не было спросить: «А откуда родом друг Пётр?», когда дедушка рассказывал их «армейские истории». Да и дедушка мой скромный, не хотел меня «травить».

Буду признательна Вашему вниманию.

**С уважением
Анастасия Петерс**

✉ **Добрый вечер!** Спасибо Вам за быстрый ответ и извините, что я долго не отвечала. Я живу в Бельгии, в Антверпене. Книгу могут забрать друзья и при случае передать мне. Я так понимаю, что они могут позвонить и договориться о встрече.

**С уважением, Елена Матвейчук.
olenamatviy2a@gmail.com**

✉ **Добрый день!**
Я работаю в Институте Африки Российской академии наук в Москве, занимаюсь в том числе историей общин русскоязычных иммигрантов в ЮАР. И часто, очень часто попадались мне материалы из Вашего альманаха «Дерибасовская-Ришельевская».

Это не только всемирно знаменитый, но и очень полезный альманах.

По крайней мере, меня он не раз выручал, когда нужно было отыскать сведения о примечательных одесситах.

Предлагаю на рассмотрение редакции Вашего альманаха свою статью «Любовь в конце эпохи».

Это история о легендарном одесском романе. В 1918 году в Вашем городе оказались две яркие звезды русского кино – Осип Рунич и Вера Холодная. В Одессе ходили слухи, что два красивых актёра были связаны романтическими отношениями. А после внезапной кончины «Королевы экрана» одесситы даже сложили песню о тоске Рунича по любимой.

Были ли партнёры по экрану партнёрами в жизни? В статье я пытаюсь дать ответ на этот вопрос.

Пожалуйста, сообщите о решении редакции относительно публикации этой статьи.

**С уважением,
Борис Моисеевич
Горелик,
старший научный
сотрудник
Центра исследований
Юга Африки, Институт
Африки РАН.**

✉ **Здравствуйтесь!**
Давно пытаюсь найти книгу Найдено «Всё дано», вот, наткнулся на ваш сайт.

Сможете прислать в Россию, в Москву?

Или прислать ссылку на электронный формат.

Конечно, готов за всё заплатить.

Мой телефон – как просите – 8-985-924-13-90.

Дмитрий.

✉ **Добрый день!** Поскольку в 1973 году я ходила в Литобъединение в Одессе, которым руководил Измаил Борисович Гордон, я всю жизнь, так или иначе, следила за его творчеством.

Внесите, пожалуйста, правку в статью о Гордоне: в проекте ВКО «Они оставили след в истории Одессы»: он родился не в Бахмаче (это город в Черниговской области), а в Бахмуте (он же Артёмовск, а теперь снова Бахмут) Донецкой области.

**Александрина
Кругленко.**

Елена КАРАКИНА Элегантная интеллигентность

В монологе-конферансе времён того, легендарного КВН 1970-х, были перечислены номера, которые на концерте увидят зрители. Восхищение в голосе исполнителя роли конферансье шло по нарастающей – «танцоры! певцы! фокусники! Блистательные, восхитительные, неподражаемые!». Кульминацией были слова: «А какие лошади в нашем концерте!» – мажорно, верх восторга. И после этого натужного, фальшивого монолога, человек на сцене задумчиво и горько повторял – «Какие лошади в нашем концерте!».

Качество обещанного зрелища немедленно меняло знак на противоположный. Монолог со сцены читал Игорь Кнеллер. Какие арабские, не скаканы, но цифры появились в нашей жизни! Сорок шесть лет прошло, вот и Кнеллеру – 70. «Какие лошади в нашем концерте!». Юбилей. Золотой, с обрамлением серебра. Не верится. Если узнал человека молодым, то таким он тебе и видится, сколько бы лет не прошло. Да никому и не придёт в голову назвать Игоря пожилым человеком. Зрелым – да. Но никак не иначе.

А познакомились мы во Дворце студентов, в замечательном ТВН – театре весёлых и находчивых, которым руководил Олег Сташкевич. «Познакомились» – громко сказано. Я смотрела на них, взрослых, «звёзд» восторженными глазами своих восемнадцати лет. Меня поражала степень свободы и раскованности, с которой Игорь выходил на сцену. Естественно, просто, легко! Не забыть мне изумительного спектакля, поставленного Олегом по повести Гоголя «Как поспорили Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

Это был блистательный спектакль, достойный самых высоких сцен. Мало что осталось от него, кроме воспоминаний помнящих. Была у меня когда-то аудиозапись, да и она сгинула, с уходом

магнитофонов. Так что вам придётся поверить мне на слово – Игорь Герцович был великолепен в роли Ивана Никифоровича. В тот день на долю спектакля и исполнителей выпал заслуженный и шумный успех. В жизни Кнеллера он был не первым. К тому времени за его спиной была школа победного одесского КВН сезона 1971-72гг. и монолог бухгалтера, вызвавший гомерический хохот в зале, у меня дома, да и в тысячах других домов, где зрители буквально приклеивались к экранам телевизоров, наслаждаясь блеском, остроумием и бесстрашием участников одесской команды.

Школа Клуба веселых и находчивых сквозной нитью вплеталась в биографию, в жизнь и судьбу Игоря Кнеллера. Школа КВН не терпела скучных неумех. Кажется, Кнеллер умеет все. Он артист, значит, обладает быстротой реакции, фантазией, воображением, сообразностью и, повторюсь, бесстрашием. И, конечно же, неотразимым обаянием и органичностью. Его

появление с монологом «Бог» на экранах телевизоров много лет спустя после дебюта, имело такой же блестящий успех, как в годы КВН-ской молодости, быть может, и больший – время стало иным, актёр – умудрённым. Это было уморительно смешно, весело, умно. мудро. И, конечно, незабываемо. Но артист, актёр – профессия подневольная. Есть роли – он играет, есть монологи – он читает. А если нет? Если нет, надо писать самому. Этому тоже учила школа КВН. А Игорь оказался из лучших учеников. В хорошей компании единомышленников им была придумана одесская Юморина. Нет, не Игорь стал её единственным отцом-основателем. Точно можно обозначить лишь двух авторов: слово «Юморина» придумал Олег Сташкевич, морячка со спасательным кругом – Алик Цыкун. В остальном это было коллективное творчество, мозговой штурм, как сказали бы ныне. Игорем много написано – в содружестве с Леонидом Сущенко, с незабвенным Георгием Голубенко.

Пьесы, сценарии, шутки, репризы. Для вечеров, капустников, фестивалей, всех тех праздников, которые расцветивают жизнь Одессы. Жаль, конечно, что иссяк, в силу не зависящих от Кнеллера причин, фестиваль «Мастер Гамбс», но был же, и это было событием для Одессы.

Как ведущий, Игорь был выше восторгов. Элегантный, лёгкий, остроумный, доброжелательный. Но! Обладающий при этом железной выдержкой. В одном из эпизодов фестиваля на сцену вышел призёр, которого плохо держали ноги, после вчерашнего и добавленного к нему дневного. Да, уважаемый, талантливый человек, но алкоголь беспощаден и к талантливому. Надо было видеть, как Кнеллер сумел сгладить ситуацию, которая могла обернуться жутким конфузом, а то и скандалом! Другой убежал бы в кулисы, бросив действие на произвол судьбы, Игорь же превратил несвязную речь призёра в пылинку, которую легко сдусть с карнавального костюма праздника.

Яркий талант шоумена и сценариста сделал Игоря незаменимым и для фестиваля «Золотые скрипки Одессы», и для открытия «Аллеи звёзд», и открытия каждой новой серии звёзд, ставшего непререкаемым атрибутом празднования дня рождения города. Кстати, Одесский литературный музей не раз обращался Игорю Герцовичу с просьбой провести то или иное мероприятие, просто так, по дружбе. И музей ни разу не получил отказа. А ведь это работа, и работа штучная, филигранная. Тогда почему же Игорь, согласен просто так отдавать своё время и талант? В наше-то, как обычно, непростое время? Это секрет. Но, так и быть, открою его. Виной всему школа КВН и сцена.

Там, на сцене Игорь нашёл свою будущую жену – потрясающую воображение многих Людмилу, Люсю Сафонову.

– Вылитая Сара Майлз, – шептали не без зависти, произнося имя известной кинозвезды. И добавляли – самая красивая женщина Одессы!

У яркой четы родилась девочка Маша, Мария. Со временем она стала сотрудником, научным сотрудником, старшим научным сотрудником Одесского литературного музея. А музей приобрёл не одно, а сразу двух замечательных сотрудников.

Но было бы странно умолчать о том, что много лет Игорь Герцович отдавал свои силы и талант Дому с ангелом, Одесскому детскому реабилитационному центру Бориса Давидовича Литвака. Праздники Центра, их сценарии, ведение, кинокапустники, смешные, и, наоборот, исполненные глубокого пафоса, написаны им. Написаны в содружестве с Александром Завелионом. Увы, и Бориса Давидовича уже нет, и Саша покинул эту землю, но память – с ней не сладить.

Однажды Игорь был моим редактором. Должно было выйти пятое издание книги о Центре, пятое издание «Дома с ангелом». И уже не как зритель, не как наблюдатель, могу сказать – Кнеллер – прекрасный редактор. Чуткий, умный, внимательный, терпеливый, труженик. Им было читано и перечитано, и выправлено

множество страниц.

Я, на минуточку, репутала Марка Аврелия с Диоклетианом. Водится за мной такое. Ну, да. Тот философ, а тот – выращивал капусту. Но капусту, как подсказывала мне избирательная память, мог выращивать только философ. Ан, не так. Игорь вовремя выловил эту ошибку, за которую мне долго пришлось бы потом краснеть. Да и прочие, не самые удачные пассажи были бережно исправлены Кнеллером.

Значит, не только артист, не только сценарист, не только шоумен, но еще и замечательный редактор.

И все же, представляется мне, не в многочисленных талантах Игоря Кнеллера кроется секрет его личности, его притягательности. Почти полвека – он в свете прожекторов. В центре внимания. И – ни разу от него – местоимения «я». В соавторстве, в содружестве, вместе. Причиной тому – врожденная интеллигентность. Добавлю – элегантная интеллигентность. Редкий дар, который делает Игоря таким необычным на фоне многочисленных талантов Одессы. И какие бы лошади не были в нашем концерте, сколько бы лет не пролетало над нашей головой, Игорь остаётся эталоном интеллигентности.

*С днём рождения,
Игорь Герцович!
До ста двадцати!*

КЛУБНЫЕ НОВОСТИ

Благодарность города – создателям проекта «Они оставили след в истории Одессы»

В честь 30-летия Всемирного клуба одесситов мэр Одессы Геннадий Труханов вручил Почетные знаки Одесского городского головы «Благодарность» редактору и администратору проекта «Они оставили след в истории Одессы» Елене Антроповой и координатору проекта Леониду Вагнеру. Соавтор и координатор проекта Леонид Рукман отмечен ценным подарком.

Электронный энциклопедический справочник «Они оставили след в истории Одессы» – результат совместной работы ВКО и Студии компьютерного дизайна «Нулевой километр». Проект рассказывает о писателях, музыкантах, художниках, архитекторах, актерах, ученых, исследо-

вателях и мореплавателях, внесших свой вклад в историю нашего города.

Авторы статей – известные одесские писатели и краеведы, сотрудники музеев и библиотек, ученые, публицисты и журналисты, искусствоведы и потомки известных одесситов. Уникальные фотографии из личных архивов, видеозаписи и исследовательские материалы сопровождают каждую статью проекта.

Искренне поздравляем Елену Антропову, Леонида Вагнера и Леонида Рукмана с почетной наградой и признанием заслуг перед нашей Одессой!

Наш проект доступен по ссылке: <http://odessa-memory.info/>

Важное событие в истории не только одесского искусства, но и всей Украины состоялось в феврале. Отличные работы одесских художников станут частью коллекции Центра Жоржа Помпиду в Париже.

В течение нескольких лет французские специалисты совместно с коллекционерами Украины отбирали наиболее интересные произведения одесских мастеров. Теперь в музейном собрании Центра Помпиду будут храниться работы наших художников: Олега Соколова, Сергея Ануфриева, Александра Ройтбурда, Владимира Наумца, Леонида Войцехова, Виктора Ратушного, Александра Шевчука, – всего более двух сотен работ. Передача стала частью инициативы Украинского клуба коллекционеров современного искусства.

Большая заслуга – меценатов и коллекционеров: Вадима Мороховского, Владимира и Татьяны Осадчих, Евгения Демченка, а также директора Музея современного искусства Одессы Семёна Кантора.

Коллекционер, меценат, учредитель Музея современного искусства Одессы, председатель правления Банка Восток – Вадим Мороховский подчеркнул: «Это своего рода революция:

В одном из главных музеев современного искусства в мире Центр Жоржа Помпиду будет экспонироваться и станет частью его фонда коллекция искусства Украины. Для популяризации украинского искусства и формирования международного имиджа нашей страны этот факт трудно переоценить. Мы, безусловно, гордимся, что в коллекцию попали одесские авторы. И мы начинаем прорыв искусства одесской школы в Европу».

Директор Центра Бернар Блистен и куратор Никола Люччи-Гутников, участвовавшие в отборе произведений, дали высокую оценку одесскому современному искусству.

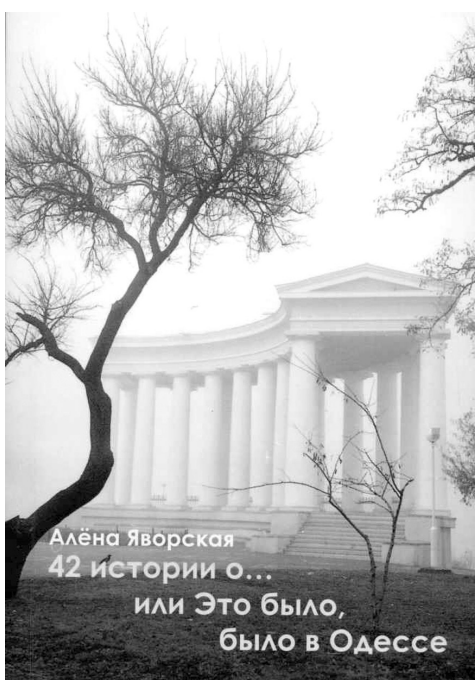

В ВКО состоялась презентация книги «42 истории о... или Это было, было в Одессе». В новой книге Алены Яворской – литературоведа, исследователя культурной жизни, сотрудника литературного музея – собраны одесские истории, веселые и грустные рассказы о прошлом и настоящем нашего города, его улицах и жителях, и давно ушедших, и тех, с кем автору повстречалось встретиться.

«Вот говорят: Одесса уже не та. А если разобраться – какой была «та Одесса», как она стала «не той»? И что об этом говорят писатели и поэты? Мне могут возразить, что рассуждения мои необъективны, цитаты случайны, процитированы не те авторы. Заранее соглашусь... Но сквозь горечь утрат, бессилие и беспомощность прорываются наши воспоминания о прошлом Одессы, которое кажется сейчас если не прекрасным, то счастливым».

Алена Яворская.

Книга поступила в библиотеки и книжные магазины Одессы, а также представлена на книжной полке ВКО.

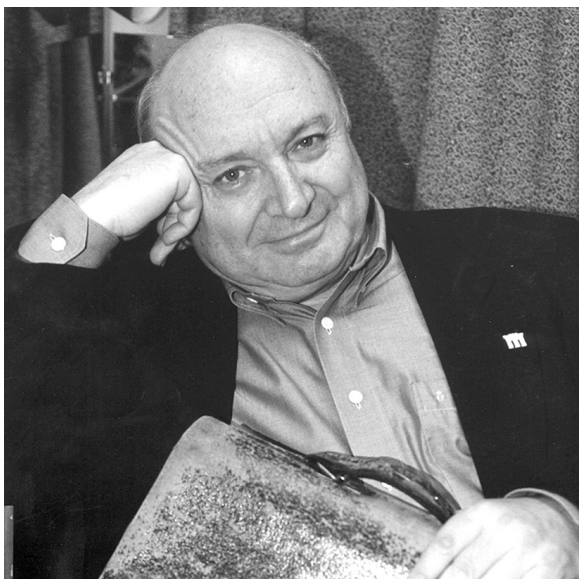
Памяти Михаила Жванецкого

Мюзикл, посвященный нашему великому соотечественнику и земляку, писателю Михаилу Жванецкому, скоро появится на сцене Одесского академического театра музыкальной комедии им. М. Водяного. Постановил спектакль «По Дерибасовской», премьера которого назначена на конец марта, главный режиссер театра, заслуженный деятель искусств России Владимир Подгородинский. Вот что Владимир Иванович рассказал о замысле новой постановки:

– Мое глубокое убеждение: Жванецкий должен продолжать жить не только в слове, но и в театральном искусстве, в пьесах, в музыке. Сценическое воплощение в Одессе его идей, мыслей, раздумий было моей мечтой. Одна из первых самиздатских книг Михаила Жванецкого была у меня. Я часто к ней возвращался, перечитывал. И как-то на одном из вечеров в Питере признался Михаилу Михалычу: «Мне почему-то интересней вас читать, чем слушать».

Подумал, обидится. А он в ответ: «Скажи всем об этом». Михаил Жванецкий был, прежде всего, Мастер Слова, мудрец и мыслитель, а потом уже Мастер сцены. Он очень много трудился, не расставался с блокнотом, в котором делал какие-то записи. Я как-то спросил его: «Что вы записываете?» «Жизнь», – был его лаконичный ответ. Он был очень метафоричен.

Ставить спектакль, посвященный Жванецкому, – задача не из легких. Даже в Одессе. Тем более в Одессе. Слишком велика ответственность. К новой музыкальной работе В. Подгородинский привлек уже снижавших известность в музыкальном театре драматурга Константина Рубинского и композитора Владимира Баскина, с которыми у Одесского театра уже есть опыт сотрудни-

чества. К. Рубинский и В. Басков – авторы мюзикла «Тайна Макропулоса», который с успехом идет на нашей сцене. Но чтобы ставить спектакль об Одессе и для Одессы, нужно быть одесситом. И Владимир Подгородинский на правах главрежа во многом переработал текст. Полтора года шла работа над мюзиклом, в процессе которой вносились правки. Всего было сделано семь (!) редакций. Все тексты отправлялись на согласование Жванецкому, который в этих вопросах всегда был принципиален.

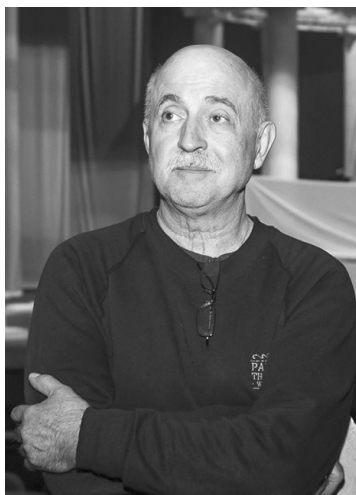
– Это второй опыт постановки Жванецкого. Четыре года назад в Театре им. В. Комиссаржевской в Петербурге был поставлен драматический спектакль «В осколках призрачного счастья». Вышел фильм «Белый пароход».

Мне же хотелось не мозаичного использования произведений Михаила Жванецкого, а цельной формы, где была бы судьба, конфликт, среда.

Это спектакль с оригинальным сюжетом об одесситах, о судьбах героев Жванецкого, возможно, и о нем самом. На эту фабулу, художественную основу пьесы, нанизаны, как елочные игрушки, миниатюры и цитаты Жванецкого, точные, емкие, мудрые. Герои спектакля: Григорий, Константин, Сигизмунд, улавливаете... В спектакле занята почти вся труппа. Некоторые артисты исполняют по две роли. Главные исполнители спектакля: Владимир Фролов, Владимир Кондратьев, Николай и Наталья Завгородние, Тимофей Криницкий, Алина Семенова, Сергей Мильков... А главный персонаж – это Город. Город, который любил Жванецкий, в котором проводил большую часть своей жизни. И главная метафора – это портфель Жванецкого, который случайно попадает в руки героя.

Композитор Владимир Баскин угадал нужную тональность, настроение. Получилось ярко, озорно. Но мне хотелось, чтобы спектакль заставил не только улыбнуться, рассмеяться, но думать, размышлять.

Изначально планировалось выпустить спектакль ко дню рождения Михаила Михайловича, в марте. Теперь новая театральная работа будет памяти Мастера. Этот март мы впервые проживаем без Жванецкого. С уходом писателя в постановку были внесены правки, незначительные. Но, обещает режиссер-постановщик, Жванецкий будет незримо со зрителем.

«Мы с тобой»

В новой книге, вышедшей в Одессе, все тексты посвящены одному человеку. Двадцать два автора из шести стран, объединенные одним общим чувством – любовью, – написали в стихах и прозе.

Так появилась на свет книга «Мы с тобой», которая вышла в канун дня рождения Евгения Голубовского, которому исполнилось 84 года. Ну, а что литераторы могут подарить своему учителю и другу? Конечно же, слова. Большинство авторов – участники Литературной студии «Зеленая лампа», которую

Евгений Михайлович ведёт уже одиннадцать лет. Стихи, проза, эссе – объединить эти формы, казалось бы, невозможно, но тексты по праву находятся под одной обложкой, ибо в них есть сквозной герой и вдохновитель: удивительный и многоликий Евгений Михайлович. Переходя от рассказа к стихотворению, от стихотворения к эссе, узнаешь не одну историю дружбы, ученичества, поиска себя, поиска смысла, служения людям и, наконец, (а может, и на начало!) – любви во всех её проявлениях.

Известное одесское печатное издание отмечает юбилей. 30 лет назад вышел из печати первый номер газеты «Порто-франко». Всего за 30 лет было выпущено 1532 номера. Около 40 журналистов начинали здесь свою профессиональную деятельность. Сотрудники и авторы газеты издали более 200 книг и получили более 150 наград на медиа-конкурсах.

У руля издания – журналист, писатель, фотохудожник, автор «Всемирных одесских новостей» и друг Всемирного клуба одесситов Аркадий Рыбак.

18 февраля вышел юбилейный номер газеты. Поздравляем, коллеги!

«Зеленый фургон» Александра Козачинского. Мы хорошо помним этот фильм, даже два фильма – экранизацию 1959 года и двухсерийный 1983 года. Планировал снять «Зеленый фургон» на Одесской киностудии Владимир Высоцкий, даже начал писать сценарий. Его наброски хранятся в фондах Одесского литературного музея.

Но то ли дело – книга, язык автора: «У вокзала и вокзального скверика война принимала неизменно позиционный характер. Орудия били по зданию вокзала прямой наводкой. После очередного штурма на месте больших вокзальных часов обычно оставалась зияющая дыра. Одесситы очень гордились своими часами, лишь только стихал шум боя, они спешно заделывали дыру и устанавливали на фасаде вокзала новый сияющий циферблат. Но мир длился недолго; проходило два-три месяца, снова часы становились приманкой для артиллеристов; стреляя по вокзалу, они между делом посылали снаряд и в эту заманчивую мишень. Снова на фасаде зияла огромная дыра, и снова одесситы спешно втаскивали под крышу вокзала новый механизм и новый циферблат».

А характеристика пригородных бандитов? «Были села, где жили виноделы, огородники, гончары, шпорники, брынзодельцы, рыбаки, столяры, шинкари, – и даже села, где жили одни только музыканты, разъезжавшие по свадьбам и крестинам. Были села, особенно поближе к Одессе и по Днестру, где жили бандиты. Бандиты были из немцев и болгар, из евреев и молдаван, из украинцев и греков, из мирного и немногочисленного племени караимов».

Увлекались приключениями Володи Патрикеева и Красавчика. Но жизнь Козачинского была, пожалуй, еще более необычной, чем жизнь его героев. Он прожил неполных сорок лет – гимназист, футболист, милиционер, бандит, арестант, журналист, фотограф. Родился в Москве, детство и юность провел в Одессе, затем Москва и бесконечные санатории для туберкулезников в Крыму, смерть в эвакуации, в холодном Новосибирске. Мать, пережившая сына, бережно хранила его архив.

А в начале нового, XXI века этот архив попал в Одессу. Его приобрел страстный любитель «Зеленого фургона» и коллекционер Михаил Пойзнер. И долго сортировал и разбирал рукописи, фотографии, документы. С самого начала Михаил задумал сделать большую книгу на основе архива. Работа длилась долго, в итоге приняли решение – разбить на два тома. В первый вошли тексты, опубликованные при жизни автора, – «Зеленый фургон» и не столь широко известные рассказы о летчиках, водевиле «Могучее средство» и последний рассказ «Фоня» (о неудачливом провинциальном воре, укравшем из музея вместо картины огнетушитель).

Второй том – «Александр Козачинский: Жизнь и судьба» с географическим подзаголовком «Одесса. Севериновка. Москва. Новосибирск».

В него вошли статьи людей, очарованных Козачинским – самого Михаила Пойзнера, Натальи Панасенко, которая много лет работала с уголовным делом Козачинского, доцента Портлендского университета Кассио де Оливейра и автора этих строк.

Самое ценное для биографов писателя, и, смею надеяться, не менее интересное для обычного читателя – документы, письма и наброски Козачинского. То, что еще никто не читал.

Опубликованы большие фрагменты из уголовного дела Козачинского, воспроизведенные репринтом. И уже понятно, что часть пережитого войдет в «Зеленый фургон». Как и то, что вопреки установившемуся мнению,

Алена Яворская

«У этого писателя веселый глаз»

не Евгений Петров, а сам Козачинский был прототипом Володи Патрикеева. Впрочем, как и Красавчика. Един в двух ипостасях. И обе ему хорошо известны.

В этом же деле и первое дошедшее до нас литературное произведение Козачинского. Протокол допроса от 4 октября 1922: «В отношении приключений и опасностей судьба не была скупа ко мне, она щедрой рукой рассыпала их на коротком пути моей жизни. Полный презрения к себе за нравственное несовершенство мое, презирая людей, судьба которых до недавнего времени была тесно связана со мной, без надежды на будущее, но не имея мужества совершенно отказаться от него, пишу не признание, а искренний рассказ, который, надеюсь, не раскучит читателя, о впечатлении на последнего я не думаю».

– Месяцев 5 или 6 тому назад, я, движимый желанием «придаться» себе парочку лошадок, направил стопы свои в с. Бициловку, где стоял Ветеринарный лазарет 51 дивизии, предмет особого внимания, заботливости, фаворит наш и источник благополучия. В древности Господь Бог послал бедным евреям манну небесную; для нас, бедных бандитов, он всеобъемлющую благодатью создал Ветеринарный лазарет.

<...> Орлов превзошел все мои ожидания; он говорил так горячо и убедительно, приводил так много фактов, что Иуда уверовал бы, а Клеопатра ступила бы на путь добродетели.

<...> Для меня настала скверная полоса; целыми днями я сидел по кукурузам и канявам, испытывая голод, холод и жажду; половник (половник – сарай или единица измерения для молочного хлеба – ред.) мне казался царскими чертогами».

Приговор, затем одесский ДОПР (сохранился портрет Козачинского, сделанный там), а затем – письма.

И они удивительно много говорят об этом человеке больном смертельной болезнью, но не сломленном. Письма самого Козачинского, даже те, где он жалует на болезнь или трудный быт, полны иронии.

Он пишет Льву Славину, которому послал для рецензии рукопись «Зеленого фургона»: «Если бы письмо Ваше состояло из одних критических замечаний, то и тем бы я был бы весьма доволен, как бывает, вероятно, довольна Ваша женщина, когда Вы, немного ворча, поедаете ее преобремененные начинкой пироги. Но кроме замечаний письмо Ваше содержало похвалы столь лестные, что у меня с непривычки наверно закружилась бы от них голова, если бы я не находился все время в горизонтальном положении».

А о работе над повестью можно узнать из его писем Евгению Петрову (они хранятся в фондах

Одесского литературного музея). Из этих писем понятно, как он тосковал по Одессе. Козачинский пишет Льву Славину:

«Завидую Вам и Вашему другу – вагоновожатому. Большой Фонтан – как раз то место на земном шаре, где мне больше всего хотелось бы быть. Детство мое проходило на 16 станции, на даче Измайлова, и я помню, что больше всего мне хотелось тогда стать вагоновожатым».

Неужели до сих пор существуют настоящие большефонтанские рыбаки? Есть ли еще и «Золотой берег», маяк, башня на даче Ковалевского, театр Лигиной (театр на 16-й станции, открывшийся в 1906 году – ред.), ресторанчик на 16 станции?»

Нашим соседом по даче из года в год был Семен Юшкевич. Помню, что я с непонятным мне сейчас садизмом избивал его маленькую девочку, что омрачало служебные отношения моей матери, служившей в «Одесском листке».

А последние письма, из Новосибирска, адресованы Александре Бруштейн. Видно, как тяжело, нищенски он жил. Краткий момент счастья и сытости в госпитале:

«Дорогая Александра Яковлевна! Если бы Вы увидели меня сейчас в байковом халате, из-под которого выглядывают носки и казенные тапочки, Вы приняли бы меня за одного из тех рядовых бойцов, которым Вы читаете по субботам отрывки из «Аси»».

«Дорогая Александра Яковлевна! Если бы Вы увидели меня сейчас в байковом халате, из-под которого выглядывают носки и казенные тапочки, Вы приняли бы меня за одного из тех рядовых бойцов, которым Вы читаете по субботам отрывки из «Аси»».

Итак, пишите. Приедете в Москву, а под мышкой у Вас роман. Очень весело. Потом пойдут рецензии. «Еще одна халтура» или «Души А. Козачинского». И Вы сразу поймете, что жизнь устлана не розами, а граммофонными иголками и дынными корками».

Это начало. А одно из последних писем, полученных Козачинским от Александры Бруштейн уже в Новосибирске, сообщает о смерти Марины Цветаевой: «В Чистополье приехала поэтесса Марина Цветаева (одно время была в эмиграции, но получила разрешение вернуться и вернулась, – уже давно), – она попала в какую-то страшную глушь, где ей очень плохо, и поэтому приехала в Чистополье просить писателей помочь ей прописаться там, где она будет хотя бы среди товарищей-писателей. Тренев и другие думали, гадали – и отказали ей, как бывшей эмигрантке. Она возвратилась в ту глушь, откуда они не дали ей выкарабкаться, – и повесилась».

В письме Льву Славину Козачинский писал о начале работы над новой повестью: «Сейчас я по-прежнему пишу повесть об Одессе, кот. начал еще в прошлом году. Написал листа 2½, будет около 7. Это – о мальчиках, которые хотели взорвать гимназию. Называется она «Гремучая ртуть», дело происходит в 1919 году. Работа эта доставляет мне большое удовольствие – потому что это об Одессе и еще потому, что под видом мальчишеским я пытаюсь изобразить наших знакомых – Женю Петрова, Ньюму – брата Мафа, самого Мафа и других. Оказалось, что каждый из них обладает таким богатством литературных черт, что буквально ничего не приходится докладывать от себя».

От повести остались лишь отдельные наброски. Здесь, в отличие от «Зеленого фургона», по-прежнему романтическая нотка: «Обаяние сестер Подлесных распространялось на значительный район города, границы кото-

самое замечательное здесь – хлеб, белоснежные круглые буханки, всегда свежие, какие пекли когда-то в украинских деревнях».

<...> Поправляюсь, по совети говоря, неважно, и чувствую себя виноватым перед друзьями, которые любят бодрых больных, быстро выздоравливающих и оправдывающих заботы и попечения о них».

А раздел «Письма друзей» начинается с письма Ильи Ильфа 1932 года.

«Дорогой и пр. Саша, писал Вам в Тифлис, знаю, что Вы письма не получили. Ввиду этого, при всем своем отвращении к эпистолярной форме (она не созвучна эпохе) пишу снова. Писать собственно не о чем. Кроме того, затрудняют запятыя. Не знаю, где их ставить. В романах этим заведует Женя. Он в дружбе с запятыми. Но писать вдвоем письма было бы уж очень глупо».

Итак, писать не о чем. Впрочем, жизнь прекрасна.

Как Ваше здоровье? Этим интересуется полмира. Об этом,

кажется, скоро будут печатать в «Известиях» в отделе «Котировки иностранной валюты». Что делается на узкой полоске земли (которая) называется Гаграми? В каком здании помещается санаторий, где Вы прогуливаетесь в голубом халате?»

Отчего бы Вам, пользуясь свободным временем, не написать а) роман из жизни, б) воспоминания о себе в) еще что-нибудь интересное? Это было бы вполне уместно. Человечество этого ждет. Не откладывайте. Пишите. Начать можно так:

«В тот поздний час, когда в городе тухнут электрические лампы и у всех подъездов прощаются влюбленные, я (или он, например, Авель Ливиафьян) вышел из дому...»

И так далее. Уверю Вас, это не так трудно и вовсе не противно. Назвать можно так: «Возвращение» или «Похищение» или «Еду ли ночью по улице темной». Как Вы ни назовете, все будет хорошо».

Итак, пишите. Приедете в Москву, а под мышкой у Вас роман. Очень весело. Потом пойдут рецензии. «Еще одна халтура» или «Души А. Козачинского». И Вы сразу поймете, что жизнь устлана не розами, а граммофонными иголками и дынными корками».

Это начало. А одно из последних писем, полученных Козачинским от Александры Бруштейн уже в Новосибирске, сообщает о смерти Марины Цветаевой: «В Чистополье приехала поэтесса Марина Цветаева (одно время была в эмиграции, но получила разрешение вернуться и вернулась, – уже давно), – она попала в какую-то страшную глушь, где ей очень плохо, и поэтому приехала в Чистополье просить писателей помочь ей прописаться там, где она будет хотя бы среди товарищей-писателей. Тренев и другие думали, гадали – и отказали ей, как бывшей эмигрантке. Она возвратилась в ту глушь, откуда они не дали ей выкарабкаться, – и повесилась».

В письме Льву Славину Козачинский писал о начале работы над новой повестью: «Сейчас я по-прежнему пишу повесть об Одессе, кот. начал еще в прошлом году. Написал листа 2½, будет около 7. Это – о мальчиках, которые хотели взорвать гимназию. Называется она «Гремучая ртуть», дело происходит в 1919 году. Работа эта доставляет мне большое удовольствие – потому что это об Одессе и еще потому, что под видом мальчишеским я пытаюсь изобразить наших знакомых – Женю Петрова, Ньюму – брата Мафа, самого Мафа и других. Оказалось, что каждый из них обладает таким богатством литературных черт, что буквально ничего не приходится докладывать от себя».

От повести остались лишь отдельные наброски. Здесь, в отличие от «Зеленого фургона», по-прежнему романтическая нотка: «Обаяние сестер Подлесных распространялось на значительный район города, границы кото-

рого приблизительно совпадали с треугольником. Если соединить воображаемой линией Третью, Четвертую и Пятую гимназии, получился бы треугольник».

Розовый домик, где проживали сестры Подлесные, находился ближе к вершине треугольника, то есть к третьей гимназии, и потому обаяние сестер здесь чувствовалось сильнее, чем где-либо».

В каждую из сестер влюблялись гимназисты соответствующих по возрасту классов: седьмого и восьмого – в старшую, Александру, пятого и шестого – в Оксану, третьего и четвертого – в Галку, первого и второго – в Наталку».

И даже пригостили иногда влюблялись в сестер, преимущественно в нарушение установленного порядка – в старшую, Александру».

Сохранился и впервые опубликован и сценарий фильма «Первый выстрел». Вначале, в 1940, была задумана экранизация «Зеленого фургона». Но потом от Козачинского потребовали воспеть будни угрозыска и показать «издыхание преступного мира». От первоначального текста остались лишь имена героев».

Утешали Козачинского рецензии на «Зеленый фургон» и восторженные письма читателей: «Ранг творческого дарования и писательского уровня Козачинского – не ниже, чем автора «Хулио Хуренито», не ниже, чем авторов «Золотого тельца» и «Двенадцати стульев». Возможно, он поднимется и выше, при надлежащей поддержке и творческом досуге».

А лица читателей и просто обычных людей можно увидеть на фотографиях, сделанных Козачинским. Летчики, старики, дети, отдыхающие на пляже, рыбаки, студенты. Контрасты – древние башни Сванетии и современные индустриальные пейзажи. Но самая выразительная фотография – маленькая фигура Ильи Ильфа у гигантского плаката с изображением Сталина. Ильф стоит на фоне сапога».

Отдельной истории заслуживает рассказ о том, как, благодаря настойчивости Михаила Пойзнера была найдена могила Козачинского. И восстановлен памятник благодаря неравнодушным людям из Одессы и Новосибирска».

После выхода книги Михаил Пойзнер подарил архив Александра Козачинского Одесскому литературному музею. Дар щедрый и бесценный».

В 1940 году один из критиков написал об авторе «Зеленого фургона»: «А. Козачинский по-моему увидел Одессу и одесситов и написал о них так, как мог написать только он... Да, много раз описаны эти улицы, и море, и бандиты, – но вот к ним снова обратился подлинный художник, и они предстали перед нами своей неповторимостью. Такова сила подлинного искусства, произведением которого является «Зеленый фургон». Время подтвердило эти слова».

КО ДНЮ ПАМЯТИ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

Дело № 02890 закрыто

Жертвы политических репрессий. Сколько их, убитых в период «большого террора», до и после него, и сегодня точно неизвестно. Долгое время тема массовых репрессий оставалась в зоне умолчания.

Только по официальным данным, по делам ЧК-ОГПУ-НКВД-МВД в 1930-1953 годах было осуждено 3,8 млн. человек. Расстреляны за 1923-1953 годы – 800 тыс. человек. Но историки считают, что эти данные сильно занижены.

Созданное в 1989 году Историко-просветительское правозащитное общество «Мемориал» взялось за исследование политических репрессий в советское время и возвращение из небытия имен невинно убиенных, замученных, бесследно сгинувших наших сограждан.

«Мемориал» создал базу персональных данных на три миллиона человек, которые подверглись политическим репрессиям. Судьбы многих жертв еще ждут неравнодушных исследователей. Их опороченные имена медленно возвращаются из небытия.

С 1997 по 2005 г.г. увидело свет 4-томное историко-мемориальное издание «Одесский мартиролог» с данными о репрессированных Одессы и Одесской области за годы советской власти. В редакционную коллегию этого серьезного издания входил и вице-президент Всемирного клуба одесситов журналист Евгений Голубовский. Список людей, пострадавших от тоталитарной советской системы, очень велик. Но далеко не полон.

Сегодня эту работу продолжает общественная организация «Одесский Мемориал», входящая в «Международный Мемориал». Да, жертвы давно в могилах, в основном – безымянных. Но чувство бессмысленности случившегося не отпускает.

Недавно председатель правления ОО «Одесский Мемориал», член Всемирного клуба одесситов

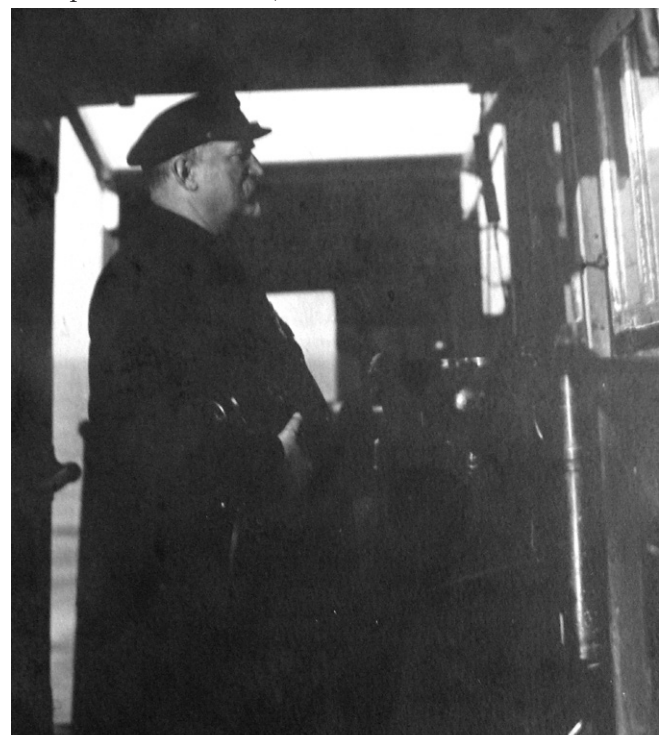

Игорь Комаровский завершил четвертое клубное расследование, о котором мы и хотим вам поведать.

Десять долгих лет Игорь Леонидович занимался вопросом реабилитации известного одессита – моряка, капитана дальнего плавания Николая Андреевича Балашова.

Впервые о капитане Балашове Комаровский узнал из очерка в книге Владимира Александровича Смирнова «Реквием XX века». Там же была помещена фотография капитана Н. А. Балашова на мостике судна «Ленин», с припиской, что капитан не реабилитирован.

Так начался долгий сбор скупых сведений о судьбе одесского капитана, по деталям, по крупяцам, работа в архивах, письменные запросы в самые разные инстанции.

Капитан Н. А. Балашов на мостике судна «Ленин»

Постепенно заполнялись пробелы, исчезали темные пятна. Стала проясняться история 75-летней давности, и все четче вырисовывался портрет человека с трагической судьбой.

Николай Андреевич Балашов родился в 1872 году в Аleshках Таврической губернии в семье моряка. Морское образование юноша получил в мореходных классах. А в 1900 году сдал экзамен на шкипера и отправился в свое первое дальнее плавание.

Николай Балашов был активным участником создания первого в России профсоюза моряков. Правда, за это участие, решением генерал-губернатора Толмачева, он был отстранен от работы в созданном им лоцманском товариществе в Одесском порту. Но после увольнения генерал-губернатора вновь возглавил лоцманское товарищество.

Молодой капитан отличился и тем, что во время одесского погрома спас группу жителей города еврейской национальности, взяв их на борт и выйдя в море.

В годы 1-й мировой войны Балашов был назначен начальником штаба транспортной флотилии Черного моря. В 1918 году ему было доверено провести в Одесский порт английскую эскадру.

В 1920 году большевики окончательно укрепились в Одессе. Но и они нуждались в опытных специалистах. В 1920-22 г.г. Николай Андреевич – уполномоченный, затем – начальник судоподъема бассейнов Черного и Азовского морей. Ему доверяют высокий пост главного морского инспектора. В 20-30 гг. капитан дальнего плавания Николай Балашов водит самый крупный пароход «Ленин» и другие суда.

Во время одного из плаваний Николай Андреевич Балашов познакомился с пассажиром судна, представителем немецкой фирмы.

В 1941 году, к началу войны Балашову было уже 69 лет. Из-за болезни старый моряк не смог эвакуироваться и остался в оккупированной Одессе.

В январе 1942 года к Балашову домой пришли немецкие офицеры. Среди них был бывший представитель немецкой фирмы, с которым он познакомился до войны. Тот предложил руководить освобождением причалов от затопленной при отступлении Красной армии техники, сказав, что оккупационные власти в этом очень заинтересованы. Николай Андреевич отказался, сославшись на состояние здоровья. Но в феврале 1942 года ему вторично сделали то же предложение и предупредили, что в случае отказа у него будут неприятности. Так, весной 1942 года Балашову пришлось возглавить одну из групп водолазов, занимавшихся подъемом затопленной техники в порту.

И эти четыре месяца ему поздней припомнят. Летом 42-го капитан уволился. Содержал бильярдную, где работал до самого освобождения города.

10 апреля 1944 года Одессу освободили от фашистов. 27 мая Николай Балашов вернулся на работу в родной порт, был восстановлен в прежней должности, которую занимал до оккупации, – групповой капитан ЧМП.

Но радость длилась недолго. Спустя месяц, 26 июня 1944 г. его арестовали. Приговор военного трибунала Черноморского бассейна был суровым – 10 лет лагерей с конфискацией имущества.

Уже находясь в тюрьме, Николай Андреевич ходатайствовал о помиловании. Ему отказали.

Когда Игорь Комаровский разыскал внучку Николая Балашова, единственную оставшуюся в живых из всей большой семьи к тому времени, и сообщил, что намерен заняться делом ее деда, та не верила в благополучный исход.

Первую попытку реабилитации капитана дальнего плавания Н.А. Балашова И.Л. Комаровский предпринял в 2010 году, но успеха она не имела. Дальнейшие попытки продолжались до 2018 года.

По действующей тогда редакции Закона о реабилитации, осужденные по статье «За связь с представителями иностранных государств в контрреволюционных целях» реабилитации не подлежали. Новая редакция Закона Украины о реабилитации жертв периода репрессий 1917–1991 гг. позволила продолжить эту борьбу.

В 2019 году, пройдя сложный конкурс, И.Л. вошел в состав Национальной комиссии по реабилитации при Украинском институте национальной памяти. К слову, в составе комиссии – семь киевлян, один львовянин и один одессит – Комаровский.

Только 21 сентября 2020 года историческая правда была восстановлена, а Николай Балашов реабилитирован. Николай Андреевич стал первым из осужденных одесситов, кто был реабилитирован по новой редакции Закона.

При расследовании удалось раскрыть и детали последних месяцев жизни одесского капитана.

После вынесения приговора Николай Балашов был помещен в одесскую тюрьму. Поздней его этапировали в Винницкую пересыльную тюрьму,

Н.А.Балашов с внучкой Натальей

где он находился по май 1945 года. В документе УМВД РФ по Кемеровской области, полученном И.Комаровским указано, что Балашов умер на территории лагерного пункта в Кемеровской области. За последующие 75 лет семья никаких сведений о судьбе репрессированного не получала.

На самом деле, умер 73-летний моряк в вагоне поезда по дороге в лагерь. И тело его было попросту выброшено из вагона.

Это стало известно намного позже, когда в семье Балашовых однажды пришел отсидевший срок бывший заключенный, ехавший в том же вагоне. Для достоверности он передал родным кусочек известного семье пледа, который был с Балашовым в вагоне..

Семья же была так напугана страшным и скорым приговором, что не выясняла, где, когда при каких обстоятельствах погиб их отец, дед.

Ответ на этот необычайно сложный вопрос И.Л. Комаровский продолжает искать.

Так и была бы история гибели одесского капитана предана забвению, если бы не глава «Одесского Мемориала» И. Комаровский, 10 лет борющийся за возвращение из небытия имени Николая Балашова.

75 лет ожидала реабилитации деда его внучка – Наталья Григор, на глазах которой вводили деда. Девочке в то время не было 12-ти лет.

РІШЕННЯ Національної комісії з реабілітації 21 вересня 2020 року, місто Київ	
Національна комісія з реабілітації, розглянувши на засіданні обгрунтовані пропозиції	
Регіональної комісії з реабілітації при Одеській ОДА від 24 жовтня 2019 року, протокол № 3,	
щодо можливості визнання реабілітованим Балашова Миколи Андрійовича, 1872 р.н.,	
вирішила:	
визнати Балашова Миколу Андрійовича, 1872 р.н., реабілітованим.	
Голова Національної комісії з реабілітації	Роман Подкур
Секретар Національної комісії з реабілітації	Андрій Когут
М.П.	

Унав о реабилитации деда Наталья Михайловна сказала, что это чудо.

К слову, Наталья Григор – из семьи потомственных моряков. Ее отец – известный капитан дальнего плавания Михаил Иванович Григор (1906-1994). В проекте Всемирного клуба одесситов «Они оставили след в истории Одессы» Михаилу Григору посвящен большой интересный материал.

Но это уже совсем другая история, с благополучным концом.

А мы с вами – современники уникального процесса восстановления справедливости и возвращения из небытия имен людей, чья судьба оказалась трагичной, и которые были раздавлены адской машиной репрессий XX века.

Наталья БРЖЕСТОВСКАЯ

Товарищи! Не проверить мне Хемингуэя с его Парижем, как и большинству из нас не проверить – я в Пушкина вслушаюсь и присочиню. /Затихло всё, Одесса спит, /Лишь море Чёрное шумит/. Ладно, пейзаж, но какой! А где видел американец ложу, /где /Красой /блестящая, /Негоциантка молодая, Толпой рабов окружена! – где, я вас спрашиваю!

Американец цапкался со своим Парижем, который праздник – прямо куда там – «всегда». Лично я – за Италию. К Горькому на Капри? – с полным моим удовольствием! В грациозном очерке об «Одессе пыльной» Пушкин упоминает язык Италии златой, который звучит на улице весёлой. Потому и я за Италию, а Франция ей в подметки не годится. Хорошо, Хемингуэя забраковали. Открываем «Детство» Толстого Л.Н. И что ж? А то, что я заявляю с третьей строчки барского детства: «Нет, вашбродь, не то!» Со мной всегда, вашбродь, Южная Пальмира. А в окрестностях Пальмиры той – Вишнёвый переулочек. В нём зачался праздник жизни моей и остаётся со мною поныне.

Переулочек наш лежит на территории доисторической, а его славную историю составляет память о делах насельников Вишнёвого, так что нечего «это вот», господа хорошие. Проложен наш прогончик по правому берегу Узбоя Киммерийского. Тихая река выбежала к нам из необозримых степей, где паслись кони скифов небезызвестных. У самого Понта реке пришлось расширить проход в скале под санаторием лётчиков, и тут уже – Золотой наш Берег. Шикарное название получил пляж, когда нашли неподалеку Скифское Золото. Всякий о находке наслышан, а связать это золото со знаменитым пляжем ума не хватило – появились глупые выдумки. С выдумками и нашему переулочку не повезло. Ведь имя симпатичного прогончика моего Вишнёвого восходит к семейной хронике Турчаниновых, когда в девятьсот ещё втором году погиб Николай Григорьевич Турчанинов, моему дедушке Саше отец родной, а мне прадед, стало быть. Ехал прадед верхом, на посторонках болтался орчик. Лошадь понесла и о притолоку двери в конюшню расшибла седока до смерти.

Дед Саша был младшим из четырёх сыновей сказанного прадеда моего Николая. На нашем Фонтане остались следы Михаила, Ильи и Александра. Четвёртый из братьев, заделался одесситом, и был он Авксентий. С сыном этого Авксентия, с его невесткой и внуками наш дом был «в контакте», выражаясь по-современному или – на папуасском наречии. Иной скажет, что Авксентий – уж слишком. Я тоже думал, что таких имён не бывает, но в судоремонтной жизни моей возник вдруг Бурлака Михаил Авксентьевич, Заместитель Ивана Антоновича Пархонюка, начальника Службы Судового Хозяйства Черноморского Морского Пароходства.

Пароходство это было самым большим на всём земном шаре. В перечне отраслей независимой Украины значилось оно среди первых, как державообразующая отрасль. Её следовало беречь, как зеницу ока. Эта зеница из легендарной Сталинской клятвы над гробом Ленина. Единство Партии и народа тоже следовало беречь и тоже, как зеницу. Ни единство, ни пароходство не уцелели в волнах времён, а как? – тому, возможно, последуют абзацы этого опуса моего. Но проблема из непостижных даже чистому уму, так что едва ли я и осмелюсь докапываться, куда «почёзло наше пароплавание» в три сотни транспортных судов, не считая мелких брызг в виде портофлота, АСПТР и прочих шведов. В утешение можно сказать, что исчезли и другие отрасли, физические и, следом, даже метафизические.

КОНСТАНТИН ЧЕБАНЮК НАШ ВИШНЁВЫЙ

Трёх фонтанским сыновьям прадеда моего нарезали наделы на полоске земли от Рыбачьей до дороги на Люстдорф, где чуть позже «цульман» электрический трамвай затеет. Прогончик назван по вишнёвому саду, что зеленел и благоухал в начале переулочка с каждой весной. Сад разрастался, а вишни в нём были представлены тремя великолепными деревьями «подбельской» или «министра Подбельского», как дедушка мой Саша величал этот сорт. Ряд матерой тройцы министерской, был посажен ещё после Японской. Тогда-то переулочек наш и стал Вишнёвым. Много позже, перед ежовской тюрьмой, успел дедушка Саша добавить к зрелой тройце три молодых «министра» – сад наш отгородился от Рыбачьей шестью вишнями («на загляденье»). Одним словом, имя переулочка носил достойно едва ли не целый век. И вдруг грянуло младое незнакомое время, когда всё продаётся и покупается, и новые власти Южной Пальмиры продали имя Вишнёвого переулочка какому-то штимпу. Переулочек вдруг назвали чьим-то именем. Потом подумали и обозвали Вишнёвый переулочек Романтическим! Сатана точно правит бал на просторах родины чудесной – вы вслушайтесь: Романтический переулочек в деревне Большой Фонтан: не цирк ли на дроте?

Но всё образуется, не бойсь! Ведь носила Дерибасовская имя Иона Антонеску. Этого фашизоида убогого петля миновала, хотя за жизни сотен тысяч людей неповинных его следовало повесить, да за ноги, чтоб висел до самой смерти. Ну да ладно, Ион был всего лишь расстрелян, но и этого достаточно: чтоб в топонимику не совался.

ЦЕНА ВИШНЁВОМУ

Вишнёвый наш переулочек ценен, как память прописанных в нём по советским пра-

вилам учёта и надзора. Восемьдесят лет прожил в сказанном переулочке наш дедушка, которого так величали сотни фонтанских, и далеко не все они состояли в каком бы то ни было родстве с дядей или с душкой Сашей. Отсюда ушёл он на действительную. Из далёкого Прибайкалья привёз память о беззаботной солдатчине, о пяти рублях от иркутского губернатора за арию «Чуют правду» в самодеятельности пехотного полка дедова. Дальше – женитьба на красавице Саше, два сына погодка, а чуть погодя и две дочки...

И – на тебе, Гражданская война. От Котовского попал в плен к белым, а там и под расстрел. За долю секунды до смерти упал дед с дядей Филей Крыловским. Лечат друг на друге, сдерживают дыхание. Когда слышно – конный, заложники нужны для обмена. И вот – два сосе-

он – «за позорные полмешка унижительной подачки» будет преступно сотрудничать с оккупантами. И в радостные дни апрельского нетерпения знал, что придут и снова посадят...

Прощальный тур вальса выглядел чуднее чуд заморских. Наши пришли в середине дня десятого, а уже утром одиннадцатого во дворе объявились трое. Это был солдат с карабином, милиционер с пистолетом и Ванька Воин с бердянкой. Ванька приехал рессорником, чтоб авансом конфисковать имущество. Милиционер забирал дедушку в КПЗ за сотрудничество с оккупантами, а солдат – Володю, сына преступника – на борьбу с этими самыми оккупантами... Из имущества Ванька высмотрел только раму велосипедную. Бросил наживу в рессорник, и двор опустел. Бабушка и дочка, мать моя Мария, даже не плакали:

да, два свойственника живы и целёшеньки возвращаются к жизни...

Во дворе ни коня, ни вола, но живому-живё, через десять лет даже Володя «нашёлся», потом – колхозное строительство зашумело, дедов первенец порадовал внучками и внуками. Это уже со своих хлебов, а на Вишнёвом только я родился у младшей дочери Турчаниновых Марии.

Так что, ни пятнышка на голубом небосводе? Нет! на излёте ежовщины обнаружили под личиной колхозного бригадира вредителя. И был это наш дедушка. По счастью Берия расстрелял Ежова, и без передних зубов, духовно изувеченный, вернулся Александр Николаевич Турчанинов к мирной жизни. Но судьба гналась за дедовой семьёю, как сумасшедший, с бритвою в руке...

Дедушку Сашу не просто выпустили гамузом среди нескольких сотен тысяч, но освободили по суду. Суд проходил с положенными процедурами, и скоро свидетели превратились в лжесвидетелей, а государственный адвокат дедов шептал на ухо подзащитного: «Они совсем заврались, ихнее положение хуже Вашего»...

– Да Бог с ними, гражданин адвокат... Бог им судья... – шепелявил обвиняемый и дрожал. – Иди знай. – Добавлял он печально...

Увы, волоса не обронили бдительные стражи колхозного благополучия, а дедушка дрожал и делал всё, чтоб не обидеть правление колхоза, где спокойно сидели общественные обвинители и ждали своего часа. Казалось бы, сколько можно мстить за неправильную раздачу земли народу, до гробовой доски, что ли? Вот именно! И старый Турчанинов будто предчувствовал, что грянет оккупация и что женщины будут работать в колхозе XX-летия пролетарской революции за полмешка зерна, а

дедушка говорил задолго до радостного апреля, что придут и снова посадят... И на сей раз засел Александр Николаевич капитально. Давным-давно написал я о махаче Судьбе. Помните, как у Пушкина: /«Стихи на случай сохранились, /О, бедо, долго ж вы копились, /Но неужель, о, Боже мой, / Все только за его спиной?»/

Я же смотрел на Судьбу как на распределителя событий и бед, чтоб под Луною досталось каждому в меру, как еда у Собакевича. Вот посмотрите:

В мир ты пришёл – ни рубашки, ни звания, криком простым энергично клян

Резкую смену среды обитания, требуешь громко «обратно меня!»

То есть назад? Так у нас не бывает, раз народили, то только вперёд,

Претерпевать в человеческой стае, всё, что с небес кто-нибудь ни пошлёт.

А небесам нашим шутки неведомы, так изузурят подлунный твой путь,

Загромоздят разноцветными бедами, что ни минуты не передохнуть.

Раб ты потомственный, знатной фамилии отпрыск достойный – достанется всем,

Будет отпущено бед в избитых, сложных проектах, отменных систем.

Но загляните ж вы в мой перечень: события в нём укрупнены, мелочи легко угадываются. Володя, обученный осовавихимовец, сразу был приставлен вторым номером к пулемёту. При отражении первой же атаки был ранен в левую ногу. Всё это перед двадцатым днём Ангела, задолго до осеннего двадцатилетия. После ряда госпиталей занесло Володю в Баку, где он перенёс несколько операций из-за разрывной пули и «окопной» запущенности раны. Домой вернулся только в марте 45-го на двух костылях с забинтованной от

стопы до паха ногою. За всё время Володиной войны госпитальной ничего не знал он о доме на Вишнёвом переулочке...

Не знал, что после недавнего извещения о дяде Коле ночами бабушка воет и стонет по-звериному на кухне и рвёт волосы. Дедушка ещё четыре года не будет знать о гибели сына, но ему в тюрьме легче, так сказать.

– А где папа? – спросил Володя, глянув на толпу родичей и соседей, собравшихся во дворе...

– Так в тюрьме ж, Володя...

– А что Николай?...

Из толпы родичей и соседей раздался стон со сжатыми зубами, и бабушку мою, Александровну Игнатьевну вчетвером уволокли родичи и соседи в кухню...

Володя недолго собирался – на Вишнёвом появляется невестка, а год спустя – дочка. В доме становится тесновато, и Володя берётся за улучшения. Недостроенный неведомым хозяином сарай становится великолепной верандой. К большой комнате пристраивается такая же. Во дворе ставит Володя кухню с санузлом, водогрейкой на соляре и маленькой мастерской. Всё это на двух костылях, но в пятьдесят первом приносят сына, и размещается наследник в квартире с батареями водяного отопления и вообще удобной во всех отношениях...

А патриарх? Так он же в тюрьме отсиживается! Нелёгкая занесла меня в Архангельскую мореходку, и в летнем отпуске я узнаю, что дедушке ещё сидеть и сидеть... Только после всенародного оплакивания Сталина возвращают дедушку на Вишнёвый. А когда охаянного Вождя выволакивают из Мавзолея – дедушке присылают открытку с благодарностью за участие в колхозном строительстве и с извинениями за ошибки Ежова.

Молодым молодое, поводов для застолий с самогонкой и свистопляскою хоть отбавляй. Выпивают и поют и за Родину, и за Сталина, и радостные звуки далеко потрясают и Вишнёвый и Рыбачьё, – вплоть до Марии Демченко, где давно распустил крылья первенец Турчаниновых. Вот вам и наш переулочек, а иной подумает, что неча это вот, Вишнёвый, Романтический – какая разница...

И ещё... По забытой свободе случилось дедушке Саше бабушку Сашу похоронить. В мучениях умирала бабушка Саша, и приступы боли сопровождалась стоном со скрежетом зубным. Когда стоны стихали, подсаживался дед к умирающей и заливался слезами... Бабушка успокаивала его заверением, что дела её земные все окончены и что пора собираться и ему. Бабушка Саша ошиблась: сборы дедовы затянулись на 14 лет, во время которых его давило одиночество, а врач советовал жениться... Но собрался наш дедушка, и упокоила его общая с супругой могилка на Люстдорфском кладбище. Царство им Небесное – заслужили они вечную жизнь, и никому уж не разлучить их во веки веков...

Усадьба Курисов – архитектурный шедевр Северного Причерноморья Украины

В 70-ти км от Одессы, в уютном уголке Лиманского района, недалеко от зеркальной глади Тилигульского лимана, утопает в зелени удивительной красоты усадьба. Её причудливые формы, хоть и истерзаны вандалами, всё равно настолько отличаются от других построек в этой части юга Украины, что местные жители называют это уникальное творение зодчих начала 19-го века замком. Удивительное смешение стилей и творческие находки талантливых мастеров говорят с нами сквозь века языком архитектуры этой усадьбы. Первый вопрос у большинства из тех, кому посчастливилось сюда попасть, – кто, когда и почему построил дворец такой красоты здесь?

История, собранная нами по крупицам, с использованием материалов из архивных собраний, доносит следующую информацию.

Владельцем этих земель являлся Иван Онуфриевич Курис (1760 – 1836 гг.) – грек по происхождению, посвятивший свою молодость военному делу и проявивший себя храбрым и верным воином. Ему посчастливилось стать «правителем дел Генералиссимуса А.В.Суворова по секретной части».

Пройдя рядом с великим полководцем военными дорогами, за боевые заслуги при взятии турецкой крепости Измаил 28 сентября 1793г. Иван Онуфриевич был награждён орденом св. Георгия 3-й степени, который был закреплён на его мундире рукой самого А.В.Суворова.

Статус полученного повелением Императрицы Екатерины II ордена, давал возможность Курису стать потомственным дворянином, а также получить полновластное владение над обширными землями в южной части империи: «...Господину подполковнику и кавалеру Ивану Онуфриевичу Курису по прошению его назначена земля в новоприобретенной от Порты Оттоманской области по правую сторону речки Тилигула, при устье речки Балая и по обоим сторонам оврага Балайчук шесть тысяч десятин...», – значилось в «открытом листе» Екатеринославского правителя генерал-майора В.В.Каховского. В южной половине этих земель новый владелец и определил участок, где суждено было появиться родовой усадьбе, ставшей жемчужиной этого поселения, именуемого отныне – Курисово-Покровское.

В 1810 году здесь начинается строительство восточной части семейного гнезда Курисов. К сожалению, нам достоверно неизвестно, кто был первым архитектором. Но среди старожитов бытует легенда о легендарном Ф.К. Боффо, авторству которого принадлежит Воронцовский дворец в Алуште, построенный позднее Курисовского, но имеющий абсолютно аналогичный восточный фасад.

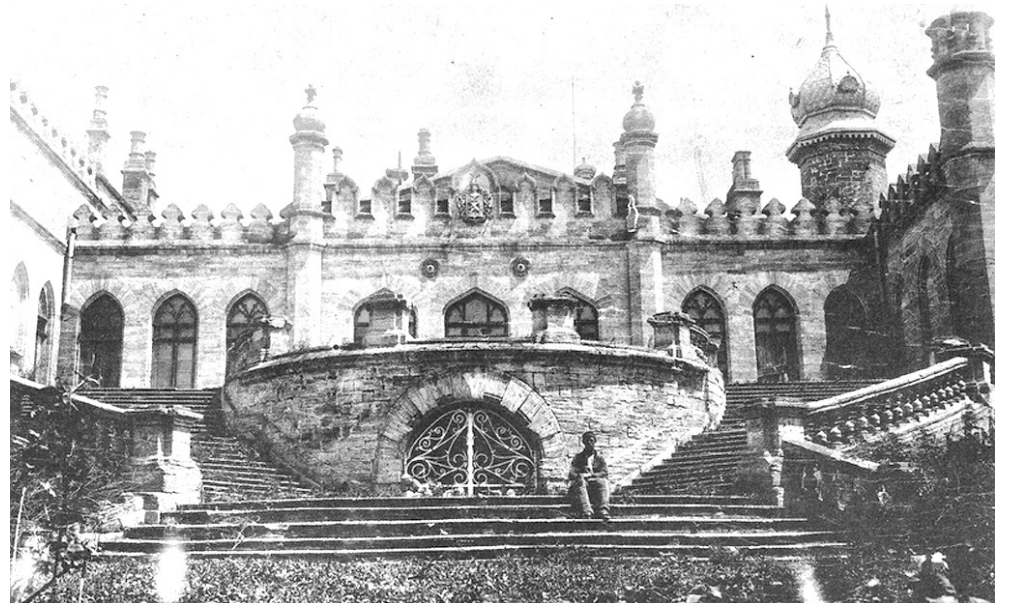
Херсонский губ. предводитель дворянства
И. И. Курисъ.

В 1824 году И.О.Курис строит также каменную церковь, освященную во имя Покрова Пресвятой Богородицы, неподалёку от которой немного позже был размещён и семейный склеп, где нашёл свой последний приют верный сын Отечества Генерал-майор И.О.Курис, ушедший из жизни 18 апреля 1836 г.

Родовая усадьба часто меняла свой облик и перестраивалась уже молодым поколением семьи Курисов. Последним из архитекторов, увековечившим своё имя в этом строении, был Н.К.Толвинский в 1892г. В этот период имение приобретает свой окончательный вид, напоминающий средневековый замок. Архитектор умело соединил в его декоре элементы готики и мавританской архитектуры.

Наиболее известен из потомков Ивана Онуфриевича его внук – Иван Ираклиевич Курис, родившийся 31 декабря 1841 года в селе Селичевка Чериковского уезда Могилевской губернии в родовом имении матери Любови Станиславовны Курис. Он учился в одесском Ришельевском лицее на юридическом факультете. С молодых лет сблизился с известным в Одессе историком, профессором Ришельевского лицея Николаем Никифоровичем Мурзакевичем, который ввел Ивана Ираклиевича в одесское общество, представлявшее передовую часть местной интеллигенции, своеобразный клуб любителей старины.

И.И. Курис приобрел известность маститого коллекционера, став в 1865 году действительным членом Одесского общества истории и древностей. Если первоначально его привлекали, в основном, античные монеты, то впоследствии его интересы расширились настолько, что его дом в Одессе и родовая усадьба в Курисово-Покровском имении уже едва вмещали ценные исторические экспонаты. Его библиотека насчитывала более 20 тысяч

томов, причем, для особо интересных книг он специально заказывал дорогие кожаные переплеты с фамильными тисненными суперэкслибрисами на них. В коллекции гравюр и литографий Ивана Ираклиевича находилось немало редких работ, и владельцу этих собраний даже завидовали музеи. Особой гордостью своего собрания он считал подлинные рукописи и автографы, некогда принадлежавшие русским и зарубежным знаменитостям. Среди них: письма и бумаги А.С. Пушкина, П.А. Вяземского, Ф.И. Тютчева, Вольтера, неопубликованные произведения В.А. Жуковского и Н.В. Гоголя.

Не был Иван Ираклиевич Курис равнодушен и к живописи. Стены его замка в Курисово-Покровском украшали картины всемирно известных художников – Буше, Ван Дейка, Мурильо, Альбрехта Дюрера, Ганса Гольбейна, Филиппино Липпи, Андреа дель Сарто, Карла Брюллова, Венецианова, Миньяра, Айвазовского и других. В общественной жизни Одессы и Херсонской губернии Иван Ираклиевич Курис занимал значительное положение. В 1869 году он был избран почетным мировым судьей Одесского уезда, после чего его еще трижды избирали на эту должность (1884-1893). Своей честностью, неподкупностью и беспристрастностью, прямотой и одновременно корректностью – он снискал уважение дворян всей Херсонской губернии. С 1871 по 1877 гг. Иван Курис занимал пост предводителя дворянства Одесского уезда, а с 1876 по 1895 гг. – всей Херсонской губернии. По свидетельствам современников, умеренность и уравновешенность помогали Ивану Ираклиевичу уверенно председательствовать в уездных и губернских собраниях, куда он не раз избирался в числе гласных.

В мае 1883 года И.И. Курис вместе с Одесским градоначальником Г.Г. Марзли принимал участие в торжествах

по случаю коронации императора Александра III. Иван Ираклиевич Курис приложил немало сил, чтобы его имение в Курисово-Покровском стало поистине образцовым во всех отношениях. Как в растениеводстве, так и животноводстве в его хозяйстве находили применение новейшие достижения того времени. Это позволяло ему завоевывать множество наград на сельскохозяйственных выставках. В течение четырех лет (1886-1890) он был президентом Императорского общества сельского хозяйства в Одессе. Долгие годы вместе со своей женой Любовью Ивановной, урожденной Гижичкой, они были членами Одесского отделения Общества садоводства. С огромной любовью занимались в своем имении богатой экзотическими растениями оранжереей, которую затем подарили Одесскому университету, разбили оригинальный плодовый сад и парк, а окрестные земли засадили молодым лесом, который сегодня входит в состав заповедной части регионального ландшафтного Тилигульского парка.

Солидную известность в Одессе приобрел И.И. Курис и как меценат. Он стоял у истоков создания многих благотворительных обществ и клубов: Временного приюта для призрения беспомощных младенцев и беднейших родильниц, Общества попечения о недостаточных студентах Новороссийского университета, Одесского местного общества Красного Креста, клуба Русского общества пароходства и торговли, Черноморского яхт-клуба. Он материально помогал немалому числу богоугодных заведений: Одесскому комитету попечительного общества о тюрьмах, Вознесенской женской гимназии, Александрийскому уездному училищу и др. В течение многих лет до последнего дня своей жизни нес почетную должность старосты Свято-Покровской церкви в своем имении.

После Октябрьской революции поместье Курисов подверглось дикому разграблению, а оставшееся имущество было национализировано. Семья Курисов вынуждена была эмигрировать. В 1930-х годах останки нескольких поколений славного рода Курисов были варварски выброшены из семейного склепа в поле, а само сооружение разрушено. Кованая ограда, окаймлявшая некогда их семейный пантеон, была использована в качестве обрамления места захоронения революционера Синюрина И.Н. А церковь – в качестве продуктового склада.

В 1921 году новая власть в помещении усадьбы открывает сельскохозяйственную трудовую школу, в которой обучалось 57 детей. В том же году в честь председателя ВУЦИК Г.И. Петровского селение переименовали в Петровское. С 1937 года Петровское стало Петровкой, а школа была впоследствии преобразована в техникум.

Валерий Кондратюк
и Дмитрий Волощенко

Во время Великой Отечественной войны в поместье была устроена румынская комендатура. Румынские войска сделали то, на что не хватило сил местным большевикам – вывезли при отступлении старинные зеркала, дубовые двери, паркет. Оккупанты вырубали также английский парк Курисов и изувечили прекрасные статуи, его украшавшие.

После окончания войны советской властью была проведена реставрация поместья, на которую государство выделило около 2 млн. руб. В 1967 году в здании усадьбы Курисов был открыт краеведческий музей, в котором хранилось около 700 экспонатов. Очередная реставрация поместья была запланирована на 1990 год, однако летней ночью разразилась гроза, в поместье ударила молния, и к утру оно выгорело дотла.

Позже местные власти вместе с руководством техникума предпринимали попытки восстановить усадьбу, но они были безрезультатны, т.к. через год после пожара закончил своё существование и Советский Союз, а у молодой Украины ни материальных ресурсов, ни желания восстановить родовое поместье не нашлось.

В 2000 году Петровку впервые посетил Александр Александрович Курис, прямой потомок рода, проживающий в Париже. Горечь осознания несправедливости и варварского отношения к наследию его предков, сделавших так много для этого края, оставили тяжёлый отпечаток в его душе.

В 2004 году мне довелось впервые побывать в этом месте, и с того дня, оно навсегда поселилось в моём сердце. Будучи студентом Одесского медицинского университета, я начал мечтать о том, что когда-нибудь обязательно удастся спасти от разрухи и забвения этот уникальный объект!

А пока объект продолжал рушиться не только под влиянием погодных условий, но во многом благодаря активному участию «местных энтузиастов», считающих, что это просто склад доступных строительных материалов.

В 2006 году внимание на усадьбу

обратил брат тогдашнего президента – Петр Андреевич Ющенко, но дальше планов и проектов дело не пошло. Виною всему, вероятно банальная математика процесса восстановления и быстро меняющаяся политическая ситуация.

Случай вернуться к идее сохранения и восстановления померкнувшей архитектурной жемчужины Украинского Причерноморья представился спустя почти 10 лет. Встретив надежного единомышленника в лице своего товарища по коллекционному делу и коллеги по депутатскому корпусу в Одесском областном совете Валерия Сергеевича Кондратюка, я решил во что бы то ни стало вернуть усадьбу Курисов к жизни. Планируя её будущее предназначение, мы определили, что усадьба должна стать новым центром семейного экотуризма в Одесской области, где разместится краеведческий музей, рассказывающий о истории удивительной семьи её основателей, выставочный зал, небольшой ресторан и несколько номеров, для желающих разместиться на ночь. Красивые пейзажи, лес неподалеку располагают к прогулкам верхом, либо в экипаже, как это было заведено самим Иваном Онуфриевичем Курисом.

Окрыленные этой идеей мы взялись за дело! С учётом статуса памятника архитектуры, все годы независимости Украины, усадьба Курисов являлась собственностью громады Одесской области и находилась на балансе управления имущественных отношений и приватизации Одесского областного совета, впрочем, как и многие другие печально известные и доведенные до аналогичного состояния архитектурные объекты.

В 2013 году по инициативе этого управления на аукцион было выставлено несколько родовых поместий, среди которых была и усадьба семьи Курисов. Технические и организационные трудности потребовали значительного времени для осуществления процедуры выкупа через аукцион и последующего оформления всех правоустанавливающих документов с учётом особого стату-

са объекта. Итак, с осени 2013 года началась новая история усадьбы.

Вместе с неравнодушными к архитектурному наследию Одессы товарищами – В.Кондратюка и В.Станкова мы зарегистрировали благотворительную организацию «Фонд им. И.Куриса», основной целью которого стал сбор средств и проведение различных имиджевых мероприятий, ускоряющих возможность реставрации усадьбы.

За это время в усадьбе побывали представители культурной общности, сотрудники музеев Одессы и области, делегации, экскурсионные группы, среди которых отдельного внимания заслуживает визит директоров Национальных библиотек Украины. В окрестностях усадьбы были сняты сюжеты и ролики, среди которых выделяется своей самобытностью видео-клип «Золоте» одесской певицы и художницы Леси Вербы.

С 2013 года наши визиты в усадьбу стали частыми и с каждым новым мероприятием, будь это субботник или чистка родников речки Балай, нам открывались всё новые и новые загадки и секреты этого места. Однажды на дне засыпанного искусственного водоёма мы обнаружили остатки мраморной женской фигуры со следами пулевых отверстий и фрагменты марсельской черепицы, некогда покрывавшей крышу строения.

Разобрав уродливый кирпичный дымоход, пристроенный к фасаду неизвестными зодчими, была обнаружена единственная сохранившаяся фигура сказочной горгульи, венчающей водосточный желоб под крышей.

За этот период было выпущено несколько книг об истории рода Курисов, авторства талантливых краеведов В.А.Михальченко и О.Г.Сивиряна, полиграфическая продукция с видами усадьбы.

Порой казалось, что сама усадьба начинает раскрывать свои тайны, давая нам силы и подогревая интерес к дальнейшим открытиям в процессе реставрационных работ. Наш амбициозный план определил срок про-

ведения основных противоаварийных работ и полного восстановления кровли здания к 2020 году.

И своё 200-летие, усилиями В.С.Кондратюка, усадьба встретила уже с полностью накрытой кровлей. Небольшую по площади территорию вокруг замка облагородили фрагменты скульптур, некогда украшавшие верхние ярусы легендарного Одесского национального академического театра оперы и балета, но снятые в процессе реставрации и замененные на более легкие фигуры. А демонтированные каменные элементы лежали все это время на заднем дворе реставрационной мастерской. Теперь они снова ожили и радуют посетителей, с удовольствием фотографирующихся на их фоне.

В наших планах на ближайший период – восстановление наиболее пострадавшего за эти годы и сложного по своей архитектуре элемента – мавританской арки усадьбы.

Все работы по восстановлению семейного гнезда рода Курисов производятся за личные средства участников этого проекта, движимых уважением к нашей истории и совестью перед прошлым и будущим. Несмотря на титаническую работу по воссозданию усадьбы и её исторического ландшафта в условиях реальной жизни, нам приходится также отвечать на различные запросы и письма «доброжелателей», всячески желающих продлить забвение имени и, по сути, использовать его по-прежнему как источник подсобного бесплатного строительного материала.

Но, вопреки этим нападкам, «Фонд им. И.Куриса» продолжает восстанавливать утраченное наследие, руководствуясь девизом семьи Курисов, украшающим их фамильный герб, который, пройдя сквозь бури более чем вековой истории, продолжает смотреть на нас монолитом уверенности в будущем – «...Да будет Правда!».

Дмитрий ВОЛОШЕНКОВ,
соучредитель «Фонда им.И.Куриса»,
член Национального союза журналистов Украины, региональный редактор МИА «Вектор Ньюз».

Вадим Ланда: «Человек – явление цельное»

У многих одесситов фамилия Ланда прочно ассоциируется с медициной. Но любители авторской песни знают Ланду как одесского барда. А гуманитарии вам уверенно назовут носителя этой фамилии литератором. Правы будут и первые, и вторые, и третьи. Вадим Ланда, одессит, врач, автор песен, стихов и прозы, уверенно сочетает в себе сразу несколько ипостасей.

— Мое основное занятие, которым я занимаюсь всю сознательную жизнь, — медицина. Но, признаюсь, однажды передо мной серьезно встал вопрос: не оставить ли мне врачебное дело и уйти целиком в музыку и песни?.. Поразмыслив, я отказался от этой идеи. Жизнь подтвердила правильность моего решения. Конечно, я знаю людей, которые живут исключительно творчеством. Это романтично: бард как сухопутный моряк, в разъездах по городам и странам дает концерты, участвует в фестивалях. Но позволить себе такую жизнь, с неопределенным заработком, тем более, в наше время, мало, кто может.

«Быть врачом дано мне свыше»

Вадим Ланда вырос в семье известного одесского хирурга. Илья Ланда во время войны был начальником Сталинградского подпольного госпиталя, затем — комендантом немецкого города Эрфурт. А в мирное время, вернувшись в родной город, Илья Ефимович возглавил Одесскую областную клиническую больницу на Слободке, проработав в ней долгие годы.

Вадим с малолетства слушал разговоры взрослых, проникаясь важностью врачебного дела и после школы решил поступать в Медин. Стал студентом Ленинградского второго медицинского института, правда, санитарно-гигиенического факультета: проходной бал туда был ниже, чем на лечфак. А вот перевестись через год в Одессу оказалось сложно. Так же, как, окончив санфак, заниматься лечебным делом. Работу врача Вадим Ланда нашел в Тирасполе, где была острая нужда во фтизиатрах. Так, неожиданно он стал специалистом по болезням легких, а скоро возглавил отделение, которым заведовал целых семь лет. Врачебная карьера шла в гору, но окончательная «реабилитация» выпускника санфака произошла только после успешной специализации в Институте усовершенствования врачей. Тогда и стал возможен перевод в родную Одессу. А дальше — 11 лет работы в Областной туберкулезной клинической больнице.

Но «вот — новый поворот»

Шел 1993-й год, жизнь менялась на глазах. Возникли новые направления в медицине. Один из учеников отца Вадима Ланды, занимающийся в то время диагностикой и лечением по методу Фолля, увлек и его.

— Я прошел специализацию и понял, что это мое призвание. Но уйти в частный медицинский центр сразу не решался. Поначалу мне удавалось совмещать работу в стационаре с новым для того времени методом лечения — электропунктурой по биологически активным точкам, подбором гомеопатического лечения. А затем я почувствовал преимущества частной медицинской практики, когда ты занят исключительно больным, а не заполнением бесконечных бумаг, и сам в ответе перед пациентами, перед собой. Решение было принято.

Вокруг гомеопатии и сегодня не стихают споры. Даже врачи со статусом, знаниями, опытом, порой, считают эти препараты неким «плацебо». Что думает по этому поводу доктор Ланда?

— Сегодня моя основная специализация — санология — наука о здоровье, которая учит: лечить нужно не болезнь, а больного, а решать медицинские проблемы следует в комплексе. К сожалению, врачи, работающие в узком профиле, не рассматривают больного целиком. Зачастую пациент оказывается где-то между специалистами, каждый из которых лечит своими препаратами, либо умывает руки — «это не ко мне».

Скептицизм к гомеопатии возникает в двух случаях: когда пациент бросает лечение и говорит, что не помогло; и когда врач не смог подобрать нужное лечение. Но так же бывает при назначении лечения врачом из поликлиники. Правда, когда не помогает традиционный врач, пациент идет к другому врачу. А если не помогает нетрадиционное лечение, ставится крест на всем лечении. Ругая гомеопатию, сегодня сторонники официальной медицины успешно назначают эти препараты немецкой фирмы «Хель». Их выписывают травматологи, кардиологи, гинекологи.

Возможности традиционной медицины ограничены. Снять острое состояние — да, но справиться с хроническими заболеваниями — увя. Удачный пример использования традиционной и альтернативной медицины — кафедра спортивной медицины Национальной медицинской академии последипломного образования имени П.Л.Шупика в Киеве. Специалисты кафедры, наряду с привычными методами лечения, успешно применяют в своей работе: гомеопатию, рефлексотерапию, суджок-терапию, различные техники работы с мышцами.

Вадим Ланда в свои 60, находясь в прекрасной физической форме, убедительно доказывает правильность своих воззрений о здоровье человека. Секреты хорошей физической формы он не скрывает. Здоровое питание, регулярные велосипедные прогулки, плавание в море, трижды в неделю занятия на профилакторе Евминова.

— Как я могу советовать пациентам здоровый образ жизни, если не буду соблюдать его сам? Физическая культура у нас в семье прививалась с детства. Отец служил мне хорошим примером. Мое глубокое убеждение: физкультура для человека то же, что еда, пища и сон.

В Украине по статистике регулярно занимается спортом только 5-10 % населения. В США — 60-70 %. В Японии — свыше 80 %.

Гипертоническая болезнь, нейроциркуляторная энцефалопатия, вегето-сосудистая дистония — это результат сидячего образа жизни. То, что привычно называют гипертонической болезнью, чаще гипертонический синдром. Врачи прописывают различные сосудорасширяющие препараты вместо того, чтобы ос-

вободить давление сосудов в шейном отделе позвоночника.

Другой враг здоровья — неправильное питание, в котором преобладают быстрые углеводы: мука высшего сорта, сахар, сладости. Что касается вегетарианства, сыроедения, — это спорный вопрос. История развития человечества это не подтверждает. Все субъективно и индивидуально. В этом вопросе нет догматов.

И третий наш враг — хронические стрессы и неврозы.

Резервы нашего здоровья имеют конкретные показатели, разработанные кафедрой санологии, и зависят от уровня развития медицины процентов на 15. Все остальное — наследственные факторы, образ жизни. Когда эти показатели в норме, человек находится в коридоре здоровья и справляется с неблагоприятными воздействиями. Нарращивать собственные резервы человек может с помощью физических тренировок, либо призывая на помощь нетрадиционную медицину — гомеопатию, фитотерапию, рефлексотерапию. Без физических нагрузок и упражнений человек снашивается быстрее и живет меньше. Во всяком случае, качество его жизни ухудшается. А жить плохо и долго не хочется. Даже если я проживу не дольше, чем мне положено изначально, но качество жизни будет приличным, меня это вполне устраивает.

А вечерами, в свободное от медицинской практики время, Вадим Ланда пишет прозу, стихи и сочиняет музыку.

Гитару Вадим взял в руки еще школьником, в восьмом классе. Опять же примером был отец, игравший на гитаре, аккордеоне, пианино, и мама, учитель музыки по классу фортепиано.

— Первую небольшую ленинградскую гитарку купил мне отец, показал аккорды. Дальше я сам. Занимался на фортепиано в музыкальной школе. В Ленинграде, где я учился, фортепиано не было, а гитара была. Странно, что долгое время я ничего не знал о бардовской музыке, о том, что существует целый пласт авторской песни. Писал и играл что-то свое, пока в 1984 году не попал в ОМК — Объединение молодежных клубов. Познакомился с Борисом Бурдой, вошел Одесский клуб авторской песни. Это было закономерно: я искал «братьев по разуму» и нашел. Ирина Морозовская, послушав мои песни и узнав, что я врач, поставила мне диагноз «острый Розенбаум», сказавшись мое пребывание в Питере. Но этап подражания прошел, я стал самим собой, а авторская песня — прекрасной главой моей жизни. Сейчас, вынужден признать, что, сохранившись как жанр, как социальное явление она ушла в прошлое, и возрождение ей пока не светит. Эпоха сменилась, а с ней — и ценности.

А следом пришла литература, стихи и проза.

— Стихи для меня были побочным продуктом написания песен. Не могу себя назвать поэтом. К первым прозам пера сейчас отношусь критично.

Но вслед за стихами из-под пера начала выходить микро-

проза, может, по аналогии с гомеопатическими микродозами?

Мои мозги от природы заточены концептивно. В институте однокурсники любили пользоваться моими конспектами: я писал кратко, но ничего не упустил. Такой размер мышления сохранился и в литературе — не могу растекаться мыслью по древу. По этой причине мне пришлось отказаться от участия в коллективном написании романов-буриме, где в каждой главе — 4-5 страниц, не мой формат. Идея написания принадлежит руководителю Литературной студии «Зеленая лампа» Евгению Михайловичу Голубовскому, в которую я закономерно однажды влился.

Когда собственных удачных фраз и микротекстов накопилось достаточное количество, я их исполнил на творческом вечере. Слушатели стали спрашивать у меня книгу, а ее нет. На издание книги подвинул меня поэт Игорь Потоцкий, написав к ней предисловие. Составлять первую книгу было не-

легко. Как сказал мой товарищ, там материала на три разных книги. Теперь я автор трех книжек коротких рассказов.

Первая книга «О чем только не...» вышла в 2010 году. Вторая «Пойдемте гулять» — в 2018 году. А в 2020 году я издал свою третью книгу «Окно». Уже готов материал для четвертой книги.

Иллюстраций к третьему сборнику сделала моя жена Любовь Мостовая.

Нас с ней соединила авторская песня, произошло это не в Одессе. Но именно здесь моя жена взяла в руки кисть, открыла в себе талант художника, прошла обучение, увлеченно пишет акварель и живопись и иллюстрирует мои книги. Все неслучайно в нашей жизни.

Человек — явление цельное. И все, что в нем есть, существует одновременно и параллельно.

Ждем выхода новой книги, Вадим Ильич, как и новых песен! А что касается медицины, то дай нам всем бог не болеть!

Идея физического воспитания

В. Ланда

Рассказ

В детстве идея физического воспитания во мне как-то не прижилась. Когда спрашивали, занимаюсь ли спортом, я скромно отвечал: «Нет, я академический мальчик». Откуда взялось это завихрение — понятия не имею.

В школе меня называли «пиджак на вешалке». Мальчишки ходили на плавание, тягали гантели и при удобном случае, находясь в поле зрения девочек, небрежно обнажали мужественные торсы. А я вместо того, чтобы брать пример, хранил аристократическую бледность и стеснялся, стеснялся.

К счастью, родителям удалось уговорить физрука поставить мне заключительную пятерку. Он очень мучился, но не портить же аттестат такому замечательному юноше, как я!

Зато в институте оказались целых три спортивные секции. В гимнасты меня не потянуло. Лучшим из худшего оказался волейбол. Преподаватель вежливо попросил десять раз «набить» волейбольный мяч над головой. Я запросто «набил»... два раза и автоматически попал в секцию лыжников.

Осенью все было еще не так страшно: тренировки по бегу. Пульс после пробежки зашкаливал. «Еще раз считаем», — командовала преподаватель Людмила Ивановна спустя десять минут. Пульс должен был восстановиться. Ага, сейчас! «Очень плохо», — констатировала Людмила Ивановна и с тех пор гоняла меня с особым пристрастием. То ли мой вид после пробежек был недостаточно душераздирающий, то ли Людмила Ивановна решила, что либо сделает из меня человека, либо доведет до эпикриза.

Наконец вышал снег. Всем подобрали лыжи с ботинками и выгнали на стадион. Надо сказать, что лыжи до этого момента я видел только по телевизору. Нет, стоять на них я мог вполне и даже выглядел красиво. Но передвигаться... Первое занятие было посвящено непрерывному распутыванию моих «облыженных» ног из таких замысловатых узлов, что я и предположить не мог. Равно как не представлял, что нижние конечности могут настолько выгибаться.

Людмила Ивановна уважала академика Павлова и верила в его метод выработки условных рефлексов. После пяти занятий я уже кое-как шкандыбал на лыжах по прямой и только на поворотах становился похожим на Сизифа: в нечеловеческом напряжении раздвигал щеки и, остановившись, переставлял лыжи в нужном направлении. А если падал — значит в этом месте прервалась лыжня (народная примета).

И вот следующий кадр: замыкая цепочку лыжников, я, бесконечно гордый собой, бегу по необъятной равнине с легкостью олимпийского чемпиона и думаю: только бы не сворачивать, только бы холмик не попался...

После института я вернулся в родной южный город, а лыжи — обратно в телевизор. Но добрые начинания продолжились. Я стал регулярно плавать в море любительским брассом. Хотя это и был шаг назад, ибо раньше профессионально плавал «по-собачьи».

Теперь, глядя на происходившее издаലെка, я думаю: многим моим сверстникам уступают место в общественном транспорте, а мне — нет. Это все Людмила Ивановна виновата.

ВИКТОРИЯ КОРИТНЯНСКАЯ

Одно из явлений природы – гроза

Облака нерестились над Одессой в августе. Неповоротливые и отяжелевшие, они медленно приплывали к 16-й станции Большого фонтана и там, где желтый мыс врезался в синее море, разрешались от бремени.

Ангелы прилетали заранее. Будто невидимые истуканы, они сидели на вершинах деревьев, напряженно всматриваясь в дрожащую от жары полосу горизонта. Вскоре синева неба покрывалась первыми белоснежными головами. В тот же миг ангелы оживали. Радостно потирая руки, они вскакивали с насиженных мест, а самые молодые даже взмывали в воздух.

Завидев ангелов, облака темнели от гнева. Они знали, зачем ждут их крылатые люди, но установленный во Вселенной порядок был непреложен. В обреченном безмолвии моря и неба начинался нерест.

Ангелы тотчас взвивались в воздух. Дружно взмахивая крыльями, они поднимали ветер. Он разносил новорожденных по небу и те, оторванные от матерей, в ужасе металась между снежно-белых лент туповины. Потом ангелы хватили новорожденных и уносили высоко к звездам. Там они бросали их в клетки, и белоснежные комочки облачной плоти, лишённые солнца и неба, тут

же чернели. Ничего не видя и не слыша, облачка росли в полном одиночестве, постепенно наливаясь обидой. Через восемнадцать лет они превращались в тучи. Тогда их отпускали. Никто не знал, кто и когда будет следующим, но каждый раз повторялось одно и то же: резко вспыхивал в клетках свет, гремели засовы, и звуки борьбы обезумевших от неизвестности и страха туч с ангелами далеко разносились по небу.

Ангелы всегда были сильнее. Они выталкивали узников и те, забывшие, что умеют летать, падали, обливаясь слезами, на Землю и разбивались...

Февраль, 2021 г.

ЕЛЕНА ПАЛАШЕК

Счастье оптом и в розницу, или Исповедь одесской сумки

Покупатели от меня шарахаются, будто я прокажённая. Больше трёх лет моя обречённость пылится на полке в торговом контейнере на рынке «Седьмой километр», где торгуют по найти, шепча маркетинговые мантры, где показать направление не стоит денег, но отвести за руку в нужное место с большими скидками, стоит дороже, чем деньги. В этом благословенном и проклятом вместилище сомнительной благодати я страдаю одновременно с моей реализаторшей, весьма симпатичной, ухоженной и любящей «сделать клиентам красиво». Вместе с ней я раскаляюсь летом и промерзаю зимой, рассчитываю на оживление покупательского спроса весной и грущу в ожидании его падения осенью. И не задумываюсь над вопросом «кто ответит за базар в нашей судьбе?»

Я вас уверяю, что «Седьмой километр» – самое неудачное название для этого левиафана, который распластал своё ненасытное тело на окраине Одессы. Даже у меня есть что предложить получше: от высосанного из пальца «Оновамнадо» до «Айнэнэ по-одесски», и это смягчённое название, дабы не пугать людей словом «разводняк». Нет, лучше так: «Товары для особо одарённых».

Но будь моя воля, этот рынок звался бы: «Ослы и сумки». Понимаете, владельцы налички (карточная цивилизация сюда пробивается с трудом) действительно ослы: три года меня, красавицу писаную с двумя ручками на все случаи жизни, только мнут, дают и массируют, а потом снова ставят на полку.

«Не смотрите меня руками!» – хочется сказать по-одесски и местным, и приезжим. – «Моя рециклированная кожа, изготовленная из обрезков дублёнок, хронически страдает от одуряющей жары и собачьего холода, от вековой пыли и старых колючих тряпок, но больше всего от вашего недостойного невнимания».

Но я помалкиваю, не понимая, что со мной не так. Неужели отталкивает моё трёхцветье?

Я вас уверяю, на чёрно-коричневом фоне мне прибавляет шармана моя жёлтая, почти золотая интерполяция. Это слово произошло то ли от латинского «inter-polis», что означает – разглаженный и обновлённый, даже преобразованный, или от другого латинского слова «interpolatio» – изменение, искажение или вставка инородного происхождения в каком-либо тексте. Это слово я услышала от мужа реализаторши, кандидата математических наук, который, помогая ей получать и разгружать товар, награждает нас ещё и не такими терминами. Супруги долго спорили тогда о его значении, вот я и запомнила.

Но покупатели спрашивают, требуют и выгребают одноцветные сумки-сумочки-сумяры, а меня уже третий год, повторяю, только лапают.

Откуда у людей тяга к монохромии? Представьте, если б весь мир стал коричневым или чёрным, как эти, таки да, самые ходовые цвета.

Когда я вижу очередную дамочку, выбирающую чёрную сумочку, так и хочется покопаться в её дубовой башке тщательней, чем она копаётся в хозяйственной сумке, и найти здоровый смысл – вдруг да очнётся и оторвёт взгляд от моих скучных соседок.

Несомненно, я уважаю выбор каждого покупателя, хотя и не помню зачем, но так и хочется спросить по-одесски: «Ну, так вы будете брать, или забыть вас навсегда?» А потом крикнуть вдогонку: «Покупайте меня хотя бы понемножку!»

И вот однажды, почти перед закрытием рынка, появился он, мой спаситель – юноша с азиатскими глазами, узкими губами и крупным мясистым но-

сом. «Бывает и хуже», – мысленно вздохнула я и обречённо успокоилась. Однако молодой человек произнёс странные слова:

– А у вас есть залежалый товар, ну, подешевле? Мне захотелось крикнуть так громко, чтоб слышали на другом конце Одессы: «Не уговаривайте, я согласна!»

Увы, переутомлённая реализаторша привыкла к моему присутствию настолько, что забыла меня предложить и пошла в подсобку за монохромными особами.

Внезапно, о, мои сумчатые боги, юноша остановил её и спросил, показывая на меня:

– А эта – дорогая? Сумкоприказчице не хватало хитрости, поэтому она простодушно улыбнулась:

– Я бы вам отдала и так, но, простите, хозяйка заругает. Обратите внимание на скидку: эти пятьдесят – это ж практически сто процентов. Так что берите, не пожалеете.

«Свершилось!» – обрадовалось моё показное одиночество, как только я попала в чёрный вонючий пластиковый пакет. «О, дайте, дайте мне свободу», – всю дорогу крутился в голове отрывок из арии князя Игоря, которую любила напевать моя реализаторша, музыкант по профессии.

Наконец пакет распахнулся, и я услышала приятный женский голос:

– Ничо так, весёленькая! Даже сжигать жалко.

– Я тоже подумал, что с ней фотоотчёт для спонсоров будет выглядеть убедительнее. Правда, пришлось отдать чуть больше, чем планировали. Но мы же за перспективу страдаем, – молодой человек раскурил две сигареты и одну отдал хозяйке приятного голоса и невообразимых цветных татуировок, украшавших руки и шею.

– Намного больше?

– Не бери в голову, так, мелочь. Зато я договорился, и мне выписали бумажку с удвоенной цифрой.

– Да-а-а, ты лихой чертяка, но идея перформанса превыше всего. Понимаешь, сумка – это символ заполненного пространства, поглощающего события, где найти нужное практически невозможно, поэтому набей её газетами, – обладательница приятного голоса затушила сигарету прямо о стол и смахнула бычок на пол. – Да... напиши ещё один плакат: «Избавляйтесь от ненужных вещей, как от ненужных людей». Завтра вставим в пасть этого недоразумения.

«Что? Вы о чём?» – мысленно визжала я не своим голосом, приземлившись на кучу барахла в углу комнаты в полуподвальном грязном помещении.

На следующий день весь хлам выставили на обозрение в центре городского парка и подожгли. Вокруг наворачивал круги несколько странный, одетый в лохмотья молодняк.

Когда ко мне приближался язык огня, а совсем рядом уже пылали другие спутники людской жизни, я думала о том, что хочу ещё лет сто пылиться на полке в контейнере, и чтоб покупатели меня бесконечно лапали и никогда-никогда не покупали.

Стоп!

Не рыдайте над моей печальной судьбой! В последнюю минуту осотобатуированная дама выхватила меня из огня со словами:

– Пригодится...

Я обняла свою спасительницу длинной, кое-где потресканной ручкой, прижалась к её бедру и ощутила, что счастье – это просто, просто быть здесь и сейчас, вот неважно где, неважно с кем, а просто быть.

ТАТЬЯНА ОРБАТОВА

МЕЖДУ ЯВЬЮ И БЫЛЫМ

Гнезятся в сердце три сестры – очеловеченные птицы, одна из них подобна чтице, чужды ей всякие пиры – сама себе стихи читает, но будит жёсткое ребро, на отражённый звук – перо с улыбкой нищенки роняет.

В другой сестре заложен ген кипучих действий и революций, в ней волны гнева шумно бьются, в ней дух желает перемен. Она, как кость во властном горле, оса – на царственном носу, идёт бесстрашно на грозу, и в буре ищет отклик горний.

Влечение третьей птицы – свет. Душа от чувства прорастает, с любовью ввысь, за птичьей стаей. Росток сначала мал и слеп, но время жизнью колосится. Без сна небесный хлебопёк катает солнца колобок, и обретает зренье птица.

Бывает, дни черней золы, и крест безмерный – не по силам, бывает, боль заголосила, но между явью и былым в гнезде сердечного ковчега такая тяга к небесам... И дышит память первым снегом, и крылья жертвует стихам.

МОРЕ

Я знаю, море – логика небес, простое слово первого порядка, пока глаголы бьются в волнорез, оно горчит в альбомах и тетрадках. Посмотришь вскользь – такая пустота покажется во тьме его природы, что кораблей надёжные борта теряются из виду, словно годы. Но всмотришься в холодное нутро – утёс в нём отражается безлико, и вдруг блеснет беззвучно серебро живых рыбёшек – на границе криков людей и чаек. Песни вековух почудятся в многоголосье птичьем. Обман и пушки убивают слух, морские волны оживляют притчи.

ТЫ ГОВОРИЛ

Ты говорил: не надо помнить всё, достаточно себя и это небо... В спортивной кофте, с шарфиком нелепым, смеялся и цитировал Басё.

А солнце-колобок на пень небесный катил свою румяность из кулис, в чернильной туче спал полезный случай, и в облаке резвился рыжий лис, пока тянулся вдалеке ход крестный.

Ты говорил: в дыхании – туман всех горестей и сумрачного зова, но мёд рассвета подслащает слово, кто любит слово, тот, как прежде, зван.

А ветер дня гулял по острым скалам скалистых гор и брал под локотки святые сны. Теснились близ луны молитвы – одуванчиков желтки.

Ты говорил: не спи!
И я проснулась.

Ты говорил: твой мир – произносимый во благо матери, отца и сына.

СПАСЁННЫЙ

Играющий событиями впрок – спасённый Мир с глазами на восток – смиряет зло в Пасхальную Неделю, и пьёт любовь, и смотрит в себя, и обнимает, солнечно любя, любого, кто на смерть судьбу не делит, кто в пламени сердечного желтка спасённым Миром был до Неба ткан, кто время жатвы в мертвенную плоть вобрал, и стал Земле и всем – ломоть исконной силы...

Мир весенний зелен – от первого замеса и доселе.

В декабре, за несколько дней до своего 90-летия, ушел из жизни выдающийся одесский врач, хирург, профессор Сергей Гешелин. Ученик Школы Столярского и Центральной музыкальной школы при Московской консерватории, студент Одесской консерватории, имея незаурядные музыкальные способности, мог бы стать известным пианистом. Но семейные гены взяли верх. Ведь будущий медик родился в семье потомственных врачей.

Дед – Исаак Соломонович Гешелин – был пионером ЛОР-службы в Украине. Он родился в 1853 году в немецкой колонии Гросслибенталь под Одессой. В 1875 году окончил медицинский факультет Киевского университета им. Святого Владимира (в Одессе медицинский факультет открылся лишь в 1900 году). Работал земским врачом, участвовал в русско-турецкой войне. А в 1886 году произошло важное событие не только в биографии деда, но и в отечественной медицине. Годом ранее Луи Пастер открыл способ изготовления антирабической вакцины и провел в Париже первые вакцинации против бешенства. Одесская уездная управа командировала земского врача Исаака Гешелина в Париж – для изучения методики изготовления вакцины и самой процедуры вакцинации. Газета «Одесский вестник» посвятила несколько номеров публикациям «Писем из Парижа» доктора И.С. Гешелина, в которых тот, набираясь бесценного опыта, рассказывал о встречах с великим Пастером. Благодаря этому опыту и усилиями Якова Бардаха и Николая Гамалеи в Одессе была открыта первая в России Пастеровская станция и положено начало обязательным прививкам при укусах животных. Спустя десять лет, в 1895 г., доктор Исаак Гешелин основал в Еврейской больнице стационарное отделение по лечению заболеваний уха, горла и носа и одним из первых хирургов начал выполнять сложнейшие ЛОР-операции. В семье сохранилась тонкая золотая пластинка размером в ноготь большого пальца, на которой выгравированы ухо и долото – главный инструмент трепанации и слова «Папа – Шура 1000». Эту пластинку Исаак Соломонович подарил своему сыну Александру в ознаменование выполненной им тысячной трепанации черепа.

В 1920 году, к 25-летию отоларингологического отделения была открыта мемориальная доска, увековечивающая имя основателя и первого заведующего отделением доктора И.С.Гешелина. А в 1925 году – к 50-летию врачебной и общественной деятельности дед был удостоен почетного звания Герой Труда. Редкий случай!

Его сын – Александр Исаакович Гешелин, – получив медицинское образование, работал в Москве и Петербурге, но вернулся в родную Одессу, заведовал

кафедрой и клиникой болезней уха, горла и носа Одесского медицинского института. В годы Великой Отечественной войны профессор Гешелин стал военврачом первого ранга. В 1941 году ему шел шестидесятый год. Но, считая недостойным оставаться в тылу, А.Гешелин добровольно обратился в военкомат, был мобилизован и направлен в распоряжение командования Северокавказской группы эвакуационных госпиталей, выполнял сложнейшие операции. Пригодилась общехирургическая подготовка, полученная в молодости

Врачи Гешелины

в Одесской городской больнице и в Петербургской клинике Военно-медицинской академии. С наступлением фашистов госпиталь эвакуировался вглубь страны. В Невинномысск раненные бойцы и врачи с семьями попали под страшный авианалет и под бомбежками выходили из вражеского окружения. Чудом выжили. Страшные воспоминания детских лет Сергей Гешелин сохранил на всю жизнь... В начале 43-го отца перевели в распоряжение медико-санитарного управления Московского военного округа. А с окончанием войны семья вернулась в Одессу, на пепелище: их дом на Пастера был разбомблен. Но это была уже мирная жизнь на родной земле.

Избран по примеру отца и деда медицинскую стезю, Гешелин-младший в 1956 году окончил Одесский государственный медицинский институт. Работал в Еврейской больнице, стал блестящим хирургом.

Спустя двадцать лет возглавил отделение онкологии в Онкодиспансере. Кандидатскую и докторскую диссертацию он защитил на рабочем месте. В 1982-м получил звание профессора, стал заведующим кафедрой факультетской хирургии Одесского медицинского института. И до последнего дня оперировал в госпитале и у себя в клинике Медина. Брался за самых тяжелых больных, которых не отваживались оперировать другие врачи. Лечил и учил до 85 лет. Профессор Гешелин состоял в Еврейской и Всемирной ассоциации хирургов-онкологов, правлении Украинского общества онкологов. Автор 250 научных работ в области хирургии, анестезиологии, реаниматологии и онкологии, выступал с лекциями в Японии, США, Франции. В 2000 году профессор Сергей Гешелин был удостоен звания Почетный гражданин Одессы и неоднократно включен в список 100 наиболее заслуженных граждан Одессы.

Увы, династия одесских врачей на Сергее Александровиче прервалась. Сын Юрий – океанолог. Внук Игорь занимается бизнесом. Живут и работают в Канаде. Память у любимого мужа бережно хранит вдова Сергея Гешелина – Майя Сергеевна, с которой он прожил 23 года. При ее поддержке Сергей Александрович лет десять назад засел за мемуары. Получилась интереснейшая книга, срез эпохи, жизнь страны, города. Меня впечатлили страницы истории Одессы через призму семьи. Какие люди, какие имена, какая культурная и научная среда, духовные запросы! И в какое время! 20-й век был веком катаклизмов, войн, революций, эпохой испытаний и потрясений. И, как оказалось, авторитет, глубокие знания, почетные звания, опыт и умения врачей Гешелиных не гарантировали им безоблачной жизни в стране победившего социализма. Обратимся к страницам воспоминаний Сергея Александровича Гешелина.

– Мои студенческие годы пришлось на тяжелое для страны время. Впрочем, были ли у страны легкие времена? Но 1947-1953 были особыми. Страной управлял дряхлеющий Сталин и толпившиеся вокруг него «полувожди». Вождь терял свой мощный интеллект, но сохранял волею хватку. Эти годы ознаменовались сессией ВАСХНИЛ, завершившейся разгромом отечественной генетики. «Крестовый поход» на кибернетику нанес непоправимый урон всем фундаментальным и прикладным наукам. «Ленинградское дело» закончилось исчезновением Вознесенского и Кузнецова. Вскоре выяснилось, что оба не только отстранены от руководства, но и физически уничтожены. Пресловутая борьба с так называемым космополитизмом обернулась плохо замаскированной крупномасштабной анти-

семитской кампанией, достигшей пика во время чудовищного «дела врачей». Расползлись слухи, что на запасных путях уже стоят эшелоны, и евреям уготована судьба калмыков, чеченцев, крымских татар и других народов, на которых Сталин, по образному выражению Твардовского, «обрушил свой верховный гнев». Возможно, что от массового выселения в Сибирь евреев спасла смерть Сталина. Так это, или нет, не знаю. Но все эти вошедшие в историю страны кампании тяжелым катком прошли по личным судьбам людей.

В 1948-50 годах над отцом стали сгущаться тучи. В газете «Медицинский работник» появилась заметка «Кастовое общество». В ней отцу инкриминировали все грехи, которые только можно приписать председателю научно-практического общества. Автором заметки был профессор Дорошенко, известный врачебной общественности шарлатан и авантюрист. Маму заметка насторожила, но отец отмахнулся и не придал значения.

Вскоре появилась большая статья в «Правде Украины», которая громила безродных космополитов. Отец был упомянут в числе профессоров, нарочито плохо готовящих кадры и – цитируя дословно – «наносящих вред государству и народу». Запахло недавним страшным штампом «враг народа». Последующие события не заставили себя долго ждать. Комиссия за комиссией атаковали кафедру отца...

В то время приказами и инструкциями во всех лечебных учреждениях был введен так называемый «шадящий режим», который, по мнению чиновников, должен был играть роль важнейшего лечебного фактора. Шадящий режим обеспечивался табличками «Говорите тихо!», которые развешивались на стенах, писались масляной краской на плафонах светильников, стеклянных дверях...

В клинике уха, горла и носа, которой руководил отец, этих воззваний не было. Не потому, что отец был таким уж фронт-дэром и нарочито не выполнял инструкций. Просто у сестры-хозяйки не дошли руки, а он во время не заметил. Когда председатель очередной комиссии грозно спросил: «Почему в клинике нарушается шадящий режим?», отец, желая разрядить обстановку, с юмором ответил: «Так ведь в моей клинике половина больных глухие». Бедный, наивный отец! Он предположил чувство юмора у членов комиссии, которые получили четкое указание убрать его с кафедры.

Вскоре состоялся Ученый совет Медицинского института, на котором зачитали приказ министра об освобождении отца от руководства кафедрой. В актах комиссий фигурировало все: и нарушение шадящего режима, и отсутствие подготовки кадров коренной национальности, и приверженность реакционному учению Менделя, Вейсмана и Моргана... Произошло это в 1951 году. Папу уволили. После почти 30 лет заведования кафедрой! Он не мог поверить в случившееся. Поехал к министру в Киев. Там сказали, что это компетенция Москвы. В Москве сказали, что они не вмешиваются в компетенцию украинского министерства. Круг замкнулся. Отец написал письмо Сталину. Тот не ответил. Тогда он отправил меня в Москву с письмом к председателю Всесоюзного общества отоларингологов академику Борису Преображенскому. Преображенский был кавалером пяти орденов Ленина, одним из организаторов Академии медицинских наук СССР и личным врачом Сталина. Борис Сергеевич уважительно относился к отцу, и папа был уверен, что тот употребит свое влияние и поможет ему.

Я прибыл в назначенное время и долго ждал. Преображенский пришел

поздно, был предельно утомлен. Осунувшееся лицо, темные круги и мешки под глазами. «Осевшим» голосом спросил: «Так что с вашим батюшкой?» Я отдал папину письмо и вкратце изложил суть дела. Он удивленно и как-то даже обрадовано спросил: «Так значит Александр Исаакович дома? Передайте папе, что не надо предпринимать никаких шагов. Надо переждать. Желаю ему всего хорошего», – встал, вяло пожал мне руку и грустно улыбнулся.

Папа был потрясен таким ответом. Мама сказала: «Шура, его посадят». «Никогда!» – ответил отец. «Личного врача Сталина? Академика? Никогда!» Через 2-3 недели мир узнал об аресте группы «врачей-убийц», которые якобы назначали заведомо неверное лечение и умерщвляли видных деятелей партии и правительства; они были разоблачены врачом-патриотом Тимашук. Большинство арестованных носили фамилии, не оставившие сомнений в их еврейском происхождении. Преображенского в списке арестованных не было. После смерти Сталина СМИ сообщили, что врачи были оклеветаны, а обвинения сфабрикованы. Среди освобожденных врачей был и Борис Сергеевич Преображенский...

– Сергей Александрович был в душе ребенок, доброты неимоверной, – вспоминала Майя Сергеевна Гешелина, с которой я встретила в один из холодных зимних дней. – Человек широкой эрудиции. Затрудняюсь сказать, чего он не знал и что не читал. Перед моими глазами проходила вся его жизнь. В мои студенческие годы он вел у нас практическую хирургию. Остроумный, легкий в общении, литературный язык, красивый, папка волос... Мы встречались в клинике, когда заболел Александр Исаакович, у друзей. А поженились в 1997 году, после того, как Сергей Александрович овдовел, а я похоронила сына. Мы поддержали друг друга в трудный период жизни. Это была большая любовь молодых уже людей, теплота, уважение и забота. 23 года мы были счастливы, жили здесь и сейчас и ничего не откладывали на завтра. В завершение беседы Майя Сергеевна прочла мне наизусть стихи Ольги Бергольц, которые отразили ее чувства и мысли:

– Давно отгремели могучие ливни,
всё отдано тихой и темною нивой...
Всё чаще от взгляда бываю счастливой,
всё реже и горше бываю ревнивой...
Вот видишь – проходит пора звездпада,
и, кажется, время навек разлучиться...
...А я лишь теперь понимаю, как надо
любить, и жалеть, и прощать, и прощаться.

Беседовала
Наталья БРЖЕСТОВСКАЯ.

«Библиотека А.Лозовского»

Редкий случай, когда издательство не просто регулярно выпускает книги писателя, но и формирует целую «библиотеку» любившегося автора. В 2020 году известное киевское издательство «Радуга» основало серию «Книги Александра Лозовского», нашего соотечественника, одессита. Повод был весомый: только за один год вышло в свет три новых романа лауреата Литературной премии им. Н.В.Гоголя – один в журнальном варианте и два в книгах. Презентация работ мастера пера состоялась во Всемирном клубе одесситов и была приурочена ко дню рождения Александра Михайловича.

Автор известных художественных произведений: «www.ERETIK.ru, или Формула успеха», «В невесомости» и др., на этот раз представил свою «Сентиментальную историю» и «Хорошо забытое новое». Чтобы лучше понимать сегодняшний день, следует вспомнить наше недавнее прошлое, уверен писатель. А если эти воспоминания в форме увлекательного романа – интересно вдвойне. Остановиться, оглянуться и осмыслить пережитое предлагает читателям книга Александра Лозовского «Хорошо забытое новое». Дадим слово автору:

«Перестройка и развал Советского Союза были, без сомнения, самыми значительными событиями

со времен Второй мировой войны. Эпохальными. Одними из тех, которые перекаривают судьбы мира. Что же говорить о нас, участниках и во многом «подопытных кроликах» этих перемен? Уж нашу судьбу перестройка перекроила полностью... А ведь основные перемены произошли в какие-нибудь 5-6 лет – с 1988 по 1994 год. Очень недолгий срок по меркам человеческой жизни, не говоря уже о масштабах истории. Какова же должна была быть интенсивность этих событий?! Какая была нагрузка на каждую единицу времени и жизни?!

В один прекрасный день мы все проснулись эмигрантами в собственной, но малоузнаваемой стране, когда внезапно вместо привычной команды: «Смирно! Равняйся!», неожиданно прозвучало: «Вольно! Разойдись!», и даже «Спасайся, кто как может!».

Вспоминаю я об этом потому, что не перестаю удивляться. Почему это необыкновенное явление не находит отображения в искусстве? Я не пытаюсь высокомерно намекать на то, что, мол, «нет достойного воплощения, соответствующего величю момента»... Нет вообще никакого воплощения, ни хорошего, ни плохого. Никакого. Я прихожу к убеждению, что существует сознательный или подсознательный заговор молчания об этом периоде нашей с вами жизни.

О политических баталиях перестройки сказано и написано много. Попадают в прозу и на экране за-

ХОРОШО ЗАБЫТОЕ
НОВОЕ

АЛЕКСАНДР ЛОЗОВСКИЙ

нимательные триллеры о бандитах и новоявленных богачах примерно этого периода. А о миллионах, о простых и не простых людях, которые потеряли не только работу, образ жизни, но даже взгляды, вкусы и привычки, нигде не найдете ни слова. Никаких следов. При этом обратил внимание, что все о том времени, вспоминают с неохотой...

Но правильно ли это? Ведь будущие археологи не найдут даже наскальных рисунков, доказывающих наше с вами существование в период перестройки.

Я решил прервать заговор молчания, проявить принципиальность вместе с гражданским мужеством и рассказать одну правдивую историю. На изломе. Надеюсь, что вам припомнится еще одна какая-нибудь, тоже вероятно не слишком типичная история, может, и ваша собственная. И еще кому-то... Так вместе мы сложим мозаику тех непростых и неповторимых времен. На всякий случай... Вдруг пригодится...». Александр Лозовский.

Читаем. Ищем книги автора на полках ВКО.

В январе из США пришла печальная весть. Скончался наш выдающийся земляк, крупный ученый, музыкант, спортсмен, один из основателей Всемирного клуба одесситов Вадим Квитаиш. И далеко за океаном таланты одессита были по достоинству оценены. Список его званий можно долго продолжать. Действительный член Американской академии аллергологии и иммунологии, основатель и научный директор Института баласкопии в Сан-Франциско, член Американской Академии экологической медицины, академик Международной академии наук, образования, индустрии и искусств при ЮНЕСКО, лауреат двух международных и национальной премий в области медицины;

сотрудник научно-исследовательского центра... Но и пребывая четверть века в Америке, Вадим Квитаиш осознавал себя истинным одесситом. К 200-летию Одессы в Сан-Франциско было создано землячество «Одесса», которое возглавил Вадим Квитаиш. Под его началом издавалась газета «Одесский листок». Его связь с родным городом не ослабевала...

Вадим Квитаиш (19.03.1936 – 02.01.21)

Некролог – это не только выражение соболезнования или протест против несвоевременного ухода. Это усилие не позволить Смерти разрушить Личность. Это необходимость говорить о докторе Квитаише как об одном из выдающихся умов нашего поколения, чьи идеи еще будут достойно восприняты и оценены.

Вадим Квитаиш был известен в Америке и как именитый врач аллерголог-иммунолог, и как создатель и вдохновитель Одесского землячества, и как меценат-издатель «Одесского листка». Далеко не все знали, что он автор дюжины научных работ и патентов по новым направлениям в медицине. В дополнение к членству в многочисленных медицинских обществах, В.Квитаиш был членом Американской Ассоциации по искусственному интеллекту, Международного общества по развитию науки, а также членом Нью-Йоркской Академии наук.

И пусть не все знали и ценили его как исследователя и философа тайн Живого, в силу его разума и предназначения свято верили его подвижница-жена и дети.

Низкий Вам поклон за вашу самоотверженность и верность!

Еще в предотъездной жизни Вадим Квитаиш был лауреатом премии лучших студенческих работ, председателем Совета молодых ученых Одессы, прекрасным фехтовальщиком и первопроходцем. Одним из первых в Украине он занялся приложением системной теории Берталанфе к иммунологии, поражая многих своим парадоксальным мышлением и бесстрашным оптимизмом, порой на грани нарушения общепризнанного здравого смысла.

Необходимость переосмысления привычного и потому «неоспоримого» была для Квитаиша естественной потребностью. Врачебные экзамены по приезде в Сан-Франциско стали его задачей переделать по своему пониманию все пласты американской медицины.

Это испытание дорого стоило Иветте, семье, да и ему самому. Однако без этого огромного труда создаваемая Квитаишем новая наука о ди-

намике живого – релоника – и методы регулирования баланса в организме – баласкопия, – могли бы и не возникнуть.

Релоника и баласкопия были его детищем, мечтой, созидательной страстью и, как полагают, его тяжелым бременем. Разрешиться от него Вадим Квитаиш предполагал публикацией в издательстве «СРС-Пресс» своей обобщающей монографии «Новые свойства живых и прочих сверхсложных систем». Ее выпуск был назначен на январь этого года.

И хотя он ушел 2 января, идеи и методы релоники и баласкопии, как никогда, живы. Они позволят человечеству увидеть патологию заболевания еще до возникновения клинических признаков. С их помощью мы сумеем заглянуть в будущее, заранее выработать правильный протокол лечения и, возможно, предотвратить то, что пока считается неизбежным.

Спасибо тебе, Мастер! Пусть будут благословенны труды твои на благо всем, но и в награду тем, кто верил в тебя, любил тебя и заботился о тебе!

**Твой ученик Борис ГОРБИС.
Сан-Франциско – Одесса**

Анатолий Горбатюк

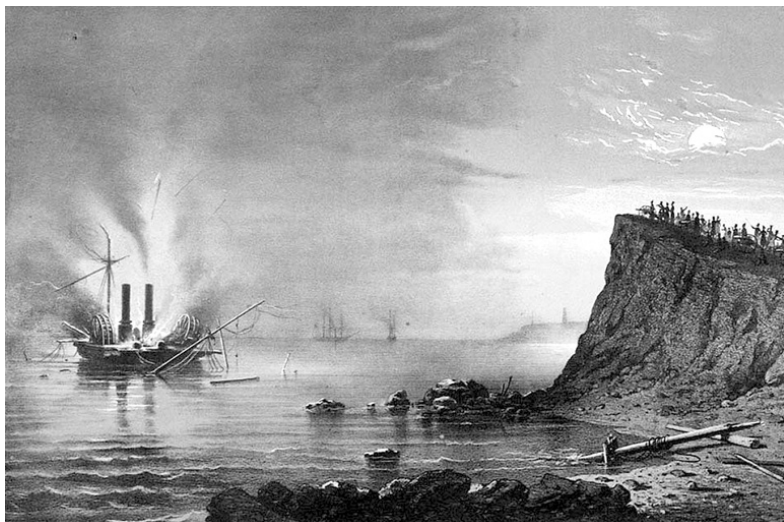
Одесса. 10 апреля... 1854 года

Обращаясь к истории Одессы, нельзя не вспомнить, что нашему городу приходилось становиться на свою защиту не только в 1941 году, отражая попытки неприятеля захватить его, подвергая при этом бомбардировке. Мы имеем в виду далекие события, связанные с Крымской войной 1853 – 1856 годов.

...В полдень 9 апреля 1854 года одесситы были неприятно удивлены внезапным появлением в Одесском заливе значительного количества неприятельских кораблей. Это была объединенная англо-французская эскадра, имевшая конечной целью высадить в Одессе десант. Она включала в себя 28 боевых судов. Ее адмиралы сэры Джеймс Уитли Дундас (Великобритания) и Фердинанд Альфонс Гамлен (Франция, в будущем – морской министр) в ультимативной форме потребовали от командующего русским войсками Д.Е.Остен-Сакена, возглавившего оборону Одессы, сдать все находящиеся в Практической гавани суда – как русские, так и иностранные. Дмитрий Ерофеевич Остен-Сакен (1792 – 1881), граф, член Государственного совета, генерал от кавалерии, участник наполеоновских, персидской войн и турецкой войны 1826 – 1829 г.г., который в Крымскую войну командовал корпусом, ультиматум в жесткой форме отверг.

Ранним утром следующего дня, 10 апреля, в Страстную субботу, 9 судов противника, имевших на вооружении 350 пушек, подошли поближе к одесским берегам и подвергли город и порт массированному обстрелу, который продолжался более 10 часов.

Конечно, Одесса не была готова к такому развитию событий. Одесская береговая оборона, не обладавшая современными укреплениями, могла противостоять неприятелю лишь 6-ю батареями, имевшими всего 48 орудий среднего калибра. Очевидно, вражеская разведка как следует обследовала оборонные объекты Одессы, потому что главная боевая мощь неприятельских судов была направлена именно на подавление этих батарей. Нападавшие, имея мощные пушки, значительно превосходящие по дальности русские, вели обстрел с безопасного для себя расстояния.

Одесситы преподнесли неприятелю весьма поучительный урок: ответный огонь наших батарей был таким плотным и прицельным, что ни о каком десанте уже не могло быть и речи. Особо отличилась установленная на Платоновском молу, у самого обреза воды, небольшая (4 орудия) батарея под командованием юного прапорщика Александра Щёголева, которая в течение почти семи часов вела неравную артиллерийскую дуэль с батареями девяти вражеских судов. За проявленное мужество героический прапорщик, миновав два звания, становится штабс-капитаном и получает Георгиевский крест.

Интересная деталь: в самый разгар этого неравного боя 22-летний прапорщик получает с нарочным записку лично от командующего обороной Одессы Д.Е.Остен-Сакена: «Храбром, спокойному и рассудительному Щёголеву – спасибо! Барон Остен-Сакен. 10 апреля 1854 года».

Пройдет время, и имя генерал-майора Щёголева – героя Плевны, бывшего «одесского» прапорщика, – прогрезит по Европе...

Большую помощь нашим артиллеристам оказали мирные жители, в частности, студенты – в подвозке зарядов и выполняя обязанности связных между батареями и штабом. Плотность же неприятельского огня была так велика, что на батарею №6 был послан «дублер» герою-прапорщику – на случай гибели последнего. Прицельный огонь щеголевцев нанес серьезный ущерб 3-м боевым судам противника. Попытки вражеских судов маневрировать и подойти к берегу против дачи генерала Лидерса

были сорваны огнем других береговых батарей. Планы, связанные с высадкой объединенного англо-французского десанта, героическими усилиями одесситов позорно провалились.

Потери оборонявшейся стороны оказались незначительными: 8 убитых (в т.ч. 4 мирных жителя), раненых и контуженных – 57. Кроме того, были сожжены бомбами и конгревовыми ракетами (ракеты, изобретенные англичанином В.Конгревом в 1805 году, скорость полета которых достигала 350м/сек, дальность – нескольких километров) 14 домов на Пересыпи и частично повреждены 52 частных дома в центре. Важная деталь: Указом императора наиболее пострадавшим семьям из беднейших слоев была оказана денежная помощь.

Поражает поведение горожан: несмотря на интенсивную канонаду, городские склоны были усеяны зевками – не только вездесущими мальчишками, но и вполне зрелыми одесситами, которые вели себя как зрители, понаблюдавшие на захватывающее представление.

Позднее будет обнародована подписанная Александром II Высочайшая грамота «Всем сословиям Херсонской губернии»: «...Гром войны раздался и над вами; по вашим водам двинулись неприятельские флоты и угрожали разрушением Одессе, этому драгоценному перлу венца Нашего; вы не убоились этой грозы; бесстрашно и смело выдержали вы нападение и вышли со славой из испытания. Ввиду таких подвигов, внесенных в скрижали истории, России остается гордиться вами...».

...После 20-дневного затишья события неожиданно продолжились 30 апреля, когда в утреннем тумане английский фрегат «Тигр» наскочил на камни. Все попытки его экипажа сняться с мели ни к чему не привели. Экипаж во главе с тяжело раненым капитаном Джиффардом (вскоре он умер и с почестями похоронен на Старом городском кладбище) сдался в плен. И еще раз поразили и порадовали одесситы своим добрым отношением к пленным вчерашним врагам.

Главными героями успешного отражения противника

горожане справедливо считали барона Остен-Сакена, бесстрашного архиепископа Иннокентия II, конечно же, прапорщика Щёголева

О тех далёких событиях напоминает одесситам установленная на Приморском бульваре пушка с потопленного тогда в районе Аркадии береговыми батареями и севшего на мель английского фрегата «Тигр», а также неприятельское ядро, попавшее в основания памятника Рихелье и навечно в него вмонтированное.

...Из девятнадцати пушек, поднятых вскоре водолазами с затонувшего фрегата, две перетащили на батарею, установленную над обрывом в начале Карантинной улицы. При испытании одна из них разорвалась, вторая долгое время оставалась на месте заброшенной батареи, а потом была установлена в начале Канатной улицы – возле дома И.П.Бларамберга.

В 1904 году, в канун пятидесятой годовщины бомбардировки Одессы, пушку эту реставрировали и водрузили на постамент возле городской думы – там, где она и стоит сегодня...

...Александр Петрович Щёголев вышел в отставку в 1889 году в звании генерал-лейтенанта. По воспоминаниям людей из его окружения, самым главным днем своей жизни он всегда считал 10 апреля 1854 года, когда береговая батарея под его командованием, проявив необыкновенную стойкость, присутствие духа и исключительное мужество, сумела отбить атаку англо-французского флота! По сути, самоотверженные канониры предотвратили тогда оккупацию города, и мы помним об этом, празднуя день освобождения от другой оккупации, закончившейся 10 апреля 1944 года. Удивительное совпадение!

Вспоминая о подвиге Щёголева, нельзя не вспомнить и о де Волане, который разместил Одессу на юго-западной стороне бухты и оградил ее порт с востока Платоновским молом. Благодаря именно такому размещению этого мола, он защищал единственный, достаточно глубокий и возможный проход в порт со стороны Ланжероновского мыса. В этом узком проходе непри-

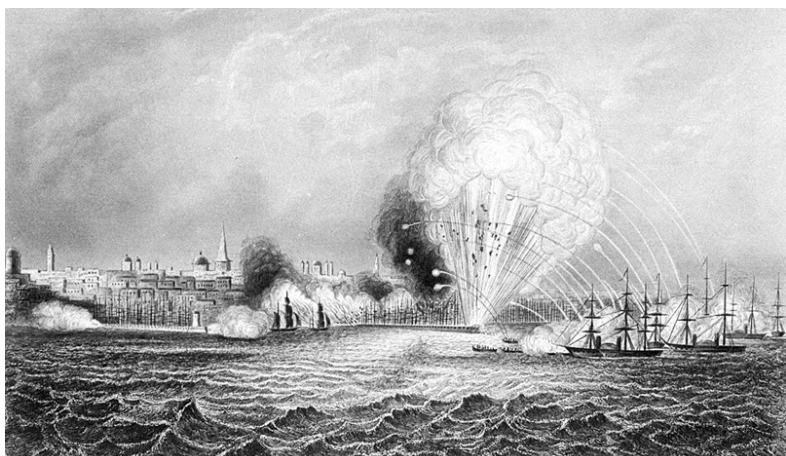
ятельские корабли не могли ни маневрировать, ни развернуться в боевой порядок, чтобы использовать мощь всех своих орудий.

Повторим: батарея Щёголева была установлена на Платоновском молу, у самого уреза воды. Именно в этом, ключевом месте она смогла защитить самый уязвимый участок входа в гавань и не позволила вражескому флоту приблизиться к городу, чтобы высадить десант. На всех остальных участках Одесского залива и прилегающего побережья флот, при приближении к берегу, неминуемо бы сядил на мель. Чем кончилась такая попытка английского фрегата «Тигр» у Малого Фонтана, мы хорошо помним.

Так де Волан, лишь силой своей гидротехнической и инженерной прозорливости, предотвратил саму вероятность военного захвата Одессы со стороны моря. Так он своими расчетами предопределил возможность подвига Щёголева и, вместе с бесстрашным поручиком, спас Город от оккупации.

Автор убежден, что пушка с фрегата «Тигр», ставшая убедительным символом гражданского единения и мужества одесситов «во дни бед народных», является также и памятником предусмотрительному гению первооткрывателя Одессы и ее порта, сумевшему позаботиться о своем Городе заблаговременно и обеспечить его безопасность через многие десятилетия после собственного ухода в мир иной...

...Жаль, что упругий морской воздух Одессы уже не рвут выстрелы полуденной пушки на Приморском бульваре. Право же, хорошо бы и эту традицию восстановить, как в каждом уважающем себя старинном морском городе...

Я был знаком с Владимиром Высоцким и тесно общался с ним в течение пяти лет в свою бытность капитаном пассажирских лайнеров «Аджария» и «Шота Руставели». По моему приглашению Володя и Марина Влади каждое лето совершали с нами семидневные круизы по портам Чёрного моря. Высоцкий давал по два концерта за круиз. И я не пропустил ни одного.

Александр Назаренко Концерт Высоцкого в Одессе

ставил женщину и вежливо с улыбкой сказал: «Саша, пожалуйста, предоставь ей возможность провести один круиз на теплоходе «Аджария», удели ей максимум внимания и теплоты так, как может это сделать только ты; она – вдохновитель и организатор моего здесь выступления». Я попытался рассказать Володе, что происходит снаружи, но молодые люди буквально оттащили его от меня. Через несколько минут эта миловидная женщина паскудила Алим последние слова, достойными лексикона одесских биндюжников и портовых грузчиков. Алим вяло оправдывался: «Я запустил всех заранее, пока ещё главные мусора не нарисовались».

Володя оставался в глубине кулис и выглядел сосредоточенным, весь в себе. Я догадывался о состоянии перед концертом великого шансонье. Он готовил себя к исполнению своих, как их называли, «тяжелых» песен. Они истощали его нервную систему и укорачивали жизнь. На мои просьбы перед «круизными» концертами не убивать себя, не надирать свое измученное сердце, свою душу, свое горло, он всегда с грустной улыбкой отвечал: «Я не могу иначе». Я решил уйти, но выйти со сцены наружу не было никакой возможности. Сказать что зал был переполнен – это ничего не сказать. Зрители, находившиеся между первым рядом кресел и сценой, подвергались опасности быть раздавленными. Когда я ощутил под ногами пол зала, то обнаружил, что пуговицы моего замшевого пиджака, купленного на стамбульском базаре, оторвались «с мясом», а брюки, купленные в Генуе, лопнули в промежности от шпиринки до пояса сзади. Приняв на себя мощное давление поклонников таланта Высоцкого, я испытывал критические нагрузки. К этому нужно добавить духоту ввиду отсутствия вентиляции, рев динамиков в вестибюле, похожий на боевой клич индийских слонов. Но никто не роптал. Я не услышал ни слова осуждения или критики. Все мучились и тихо, беззлобно переругивались между собой.

Пожилая полная женщина вынесла стул и поставила посередине сцены. (Володя на концертах любил ставить ногу на перекладную ниже сидения). Кто-то закричал, что стул стоит неправильно. Это развеселило публику, посыпались рекомендации: «Сам выйди, шлимазл, и поставь!». Вдруг динамики в вестибюле смолкли. На сцену вышел мужчина, поставил микрофон, долго щёлкал по нему пальцем и с умным видом прислушивался. Это вывело публику себя, в его адрес полетели замечания.

Наконец, на сцену вышел Володя. Извиняющимся тоном он произнес: «Простите, я здесь не причём. Все видели, что я пришел раньше всех, Одессу и одеситов уже полюбил. Не лгу, одеситки – одни из самых красивых женщин в стране. Я подобрал репертуар специально для вас, вы увидите отсюда довольными». Володя взял аккорд, чтобы проверить настройку гитары, и динамики в вестибюле опять взвыли. Зал взревел, в адрес работников Портклуба посыпались проклятия. Кто-то заставил их замолчать, умиротворив порто-

вых почитателей искусства. И концерт начался.

Первая его песня о подводниках была как удар обухом по голове. Это было драматическое действие одного актёра. Володя испытывал страдания своих героев от удущья, состояние ужаса приближающейся неизбежной смерти, отчаяния, когда нет надежды на спасение. Начав петь, Володя уже не был собой, он был одним из моряков, погибающим в задренном отсеке подводной лодки.

Высоцкий пел, мощно атаковал слушателей, используя сильнейшее воздействие своего завораживающего голоса, данного ему Создателем, способность влиять своими гипнотическими импульсами на сознание окружающих. «Пацанов жалко», – сказала прижатая рядом девушка, по её лицу катились крупные слёзы. И добавила: «Я только что была в тёмном и сыром склепе». А пожилой маленький человек в очках с толстыми линзами как бы про себя повторял: «Как это отвратительно! Никто не имеет права отнимать жизнь ни в чём неповинных людей!».

После каждой песни Володя давал залу передышку, было понятно, что он жёстко владеет залом. Спокойно поговорив о своей юности и раннем творчестве, он предложил послушать «А тот, кто раньше с нею был». Толпа встретила эту песню с одобрительным гулом. Представились молодые пальные годы, истерзанная войной страна. Разруха, макуха, продукты по карточкам, включая мокрый черный хлеб; «Московская» на разлив у бутылки, на закусь – смёрзшиеся пирожки с картошкой и горохом. Брюки-клёш с клапаном, который застёгивался на пуговицы на бёдрах, которые можно было запросто купить «на балочке», «корочки» на кокемитовой подошве второй гособувной фабрики... Матросские бушлаты, кепки-восьмиклинки и белые шелковые шарфы на шею – предел мечтаний. По субботам – танцы в клубах под радиолу, например на жестяно-баночной фабрике. В других местах в течение вечера разрешалось танцевать только один раз фокстрот и один раз танго. Польки, кадрили, падекатры, падеграссы мы танцевали фокстротом и чарльстоном. На танцы в Портклуб, клуб Дзержинского было опасно приходиться по одному, разумнее – «кодом». Как правило, танцы кончались дракой или «толковицей». Вспомнились драки «дом на дом», «улица на улице». Сходились в серьезные побоища и целые районы, в Дюковском саду или парке Шевченко. Но здесь оставим воспоминания.

Зал реагировал буйно. И тут – случилось непредвиденное. Крепления первого ряда кресел не выдержали напора и начали заваливаться на людей, стоявших в первом ряду. Возникла опасность быть кому-то искалеченным. И тут оказалось, что всё таки кое-кто следил за порядком в зале. Двое молодых здоровых парней выгнали на сцену человек десять и приказали всем сесть на пол сцены. А на сцене появился приземистый крепыш, поднял вверх правую руку и хриплым голосом закричал: «Шааа! Спакуха! Всё окей до самого гудбая! Ребята из шестой бригады побили рыла пересыпской жлобе, которые

всю дорогу штурхали людей из вестибюля в зал. Там уже стоят наши». Затем он негромко обратился к Высоцкому: «Владимир Семёнович, дорогой ты наш, извини, понадеялись мы тут на всяких! Нам, чтобы на душе стало сладко, спой про Магадан». Володя не стал менять программу, так и не спев про Магадан. Вскоре со стороны вестибюля потянуло свежим сквозняком: кто-то догадался открыть двери или окно. Стало совсем хорошо.

Зал успокоился. И вдруг, без представления, Володя оглушил слушателей «Охотой на волков», войдя в образ вожака волчьей стаи. Вена на его шее с правой стороны вздулась от напора крови. Он стал волком, несущимся из последних сил прямо на охотника, чтобы в стремительном прыжке перегрызть ему глотку, а если не повезёт, и он схватит пулю, то это сделает другой бегуний рядом брат, такой же сильный и гордый, чтобы волчицы смогли вывести молодняк за флажки. Своим потрясающим актёрским мастерством, силой своего таланта Володя сумел включить в извилинах мозга тот центр тревоги, который отвечает за немедленные действия под угрозой гибели близких. Я вспомнил 1945-46 годы в Одессе, когда городские власти были вынуждены организовать отлов бездомных животных. Скажу честно, мы, пацаны, давали гицелям, которые шли на эту мерзкую работу, настоящие бои, были готовы биться за каждую нашу уличную или дворовую собаку. На чердаках и крышах домов готовили кирпичи, битую черепицу, камни и бросали на приближающуюся машину с гицелями.

Когда Володя окончил петь «Охоту на волков», толпа завелась до такого накала, что крикнул вдруг Володя: «А ну, за мной бить милицию, громить витрины магазинов!», все бы не раздумывая пошли за ним.

Помню, что Володя спел тогда девять песен. Из них запомнилась ещё одна «Я не люблю...». С первого же куплета зал затих. Лица стали серыми, взмучиваемыми. Полагаю, ни один проповедник не смог бы так глубоко проникнуть в души прихожан, добравшись до их сердец.

После девятой песни стало очевидно, что больше петь Володя не может. Но никто не хотел расходиться. Несмотря на боль в пояснице и голове, я тоже не хотел уходить. «Очухавшись» на свежем воздухе, не найдя никого из знакомых, я побрёл домой. Я шел и думал, как было бы правильно, если бы в то время с Володей был искренне любящий его и заботящийся о нём человек, который приготовил бы для него ванну, покормил бы его чем-нибудь – глосиками, копчёной скумбрией, брынзой, икрой из синеньких, напоил бы чаем, уложил в постель. Но я знал, что вместо этого его повезут на «банкет», где будет много водки, скудная дешёвая «закуска», а окружающие его люди будут просить, требовать, чтобы он им пел. И всё это продлится до четырёх утра, и Володя опоздает на съемку, и опять ему будут угрожать увольнением.

Я шел и пытался понять, как могло случиться, что я покорно следовал законом толпы. Я рисовал себе ужасные картины пожара, который мог случиться из-за возгорания

электропроводки, а двери аварийных выходов были заперты. Когда тонул пассажирский лайнер «Адмирал Нахимов», пассажиры с нижних палуб, в кромешной тьме пытались найти выходы на открытые палубы, обезумев, давили друг друга. Водолазы нашли вновь назначенного начальника КГБ по Одесской области в вьюком, задавленными под шестью слоями трупов. Кстати, если бы этот человек не задержал отход теплохода в Новороссийский порт на 15 минут (он опоздал), катастрофы могло бы не быть. Я размышлял о том, что в зале была не очень образованная и обеспеченная публика. Но все они, опарашенные могучим смыслом песен Высоцкого, понимали и принимали подсознательный смысл его творчества. Я думал о том, что в своей песне из кинофильма «Опасные гастроли» Володя не зря упоминает добрым словом одесских портовых грузчиков. Жители припортового района Одессы достойны пера Куприна, Бабеля, Паустовского. О них ещё напишут повести и романы. Я хочу только пояснить, почему этих веселых и жизнерадостных людей любит Одесса.

1945-1946 годы... Одесский порт буквально завален «союзническими» консервами со свиной и говяжьей тушенкой, бобами какао, яичным и молочным порошками, сахаром. В ту пору на внешнем рейде порта находились на якорю десятки сухогрузов под флагами США и Великобритании в ожидании выгрузки. Шла невиданная по интенсивности работа порта. А квота на снабжение Одессы привезёнными из США продуктами была до смешного мизерной, всё вывозилось в другие районы страны. За попытку вынести из порта банку свиной тушенки пойманный получал семь лет каторжных работ на севере. Но в руки «вохровцев» и «красноперых» (краснопогонников, войск МВД) попадались только неопытные новички-одиночки (фраера). И американские продукты одеситы могли купить по сходной цене чуть ли не в каждой подворотне Канавы, Пересыпи и Молдавочки. «Тётя Фира, сегодня нам во двор занесли свиную тушенку. Вам надо? Я взяла две лишних банки».

Союзническую помощь умело «добывали» настоящие мастера своего ремесла, как свои пять пальцев знавшие одесские катакомбы. Они действовали экипажи буксиров портофлота и ломанских катеров по вывозу краденого в Хлебную гавань, на Пересыпские заводы, Лузановский пляж и Ланжероновский массив. Ими была изучена смена вахт и караулов. Так что Одесса была прилично обеспечена. А голод начался в Одессе в 1947 году, когда помощь США резко оборвалась, и отношения с западом ухудшились.

Завершая рассказ, я хочу сказать несколько тёплых слов в адрес Марины Владимировны Поляковой, Влади. Марина, как могла, сдерживала прыть Володиных коней, отводила их от пропасти, боролась самоотверженно. Она отлично понимала, что Володя значит для России. Она знала, что Высоцкий на века будет востребован и нужен людям. И жизнь это доказывает.

Чем ближе 1 апреля, тем ошутимей витает в одесском воздухе, наряду с запахом весны, какая-то дурашливость и веселая сумасшедшинка. Это приближается чисто-одесский праздник души и сердца. Одесситы уверены, что Бог улыбался, когда создавал Одессу. Вот поэтому здесь любят и умеют шутить, как нигде. Почти полвека ежегодно в Одессе проходит традиционный праздник смеха. Фестиваль юмора родился с легкой руки одесских КВНщиков и писателей-сатириков в 1973-м и стал особым событием в жизни города. Но на самом деле, розыгрыши и шутки у одесситов были в почете испокон веку. Незирая на трудные времена и суровые будни. Юмор и смех выручают в любой ситуации.

Валерий Хаит Избранное из услышанного

Сидит интеллигентная компания.

Кто-то рассказывает, как много лет назад работал инженером в НИИ, как практически каждый день во время обеденного перерыва выпивали, как легко одалживали до зарплат, как не менее легко отдавали, сколько веселья было, шуток...

Слышится возглас:

— Какую страну потеряли!

Заговорили об одесском «Черноморце». Кто-то спрашивает:

— А помните после войны в Одессе был такой футболист Роня Коген?... — Все отрицательно мотают головами. — Его еще очень любил секретарь одесского обкома Вегер. И вот когда Вегера расстреляли, Роня, как его любимчик, получил двадцать лет лагерей...

Тот же голос:

— Какую страну потеряли!...

Резо Габриадзе, по скайпу...

— Мне врачи говорят, что легкие у меня ни к черту...

А чему удивляться — я же курю 60 лет. По две пачки в день... Кстати, если бы по одной, то мог бы курить до 120-ти.

Рассказал мой младший сын, Слава.

У его друга Василия Уткина живет в доме енот. Пришел как-то к Васе гость.

Говорит:

— Как интересно. Никогда не видел живого енота. До сих пор у меня с ними было только шапочное знакомство...

Жена вспомнила...

— Впервые Слава столкнулся с женским коварством в семь лет. Пришли мы с ним к моей подруге Гале. А у нее дочка Таня, примерно того же возраста, что и Слава. Галя посадила Славу с Таней на кухне и дала им по куриной ножке. А мы с ней пошли в комнату поболтать.

Через какое-то время дети заходят к нам и Таня что-то шепчет на ухо своей маме. Галя с удивлением и укоризной смотрит на Славу и сухо со мной прощается. Мы уходим. Слава чуть не плачет...

— Слава, что случилось?

— Я съел Танину курочку тоже...

— Как ты мог?!

— Да она меня умоляла, чтоб я ее съел. А то, если мама увидит, что она не покушала, она ее заругает. И обещала ничего не говорить!.. А сама сказала!.. Как она могла?!..

Я его с трудом успокоила...

Зашел в парикмахерскую постричься. С соблюдением всех противоковидных условий, конечно. В маске, то-се... Вспомнив прошлый визит, сел в кресло и начал снимать маску. Мастерница, тоже в маске, говорит:

— Не снимайте, пожалуйста. Сейчас требуют не снимать...

Требуют так требуют... Подумал: а если бы я пришел побриться?

Сиж, стригусь...

Но я ж общительный.

— Простите, а вы за кого голосовать будете?

— А ни за кого.

— Почему?

— А потому что не верю никому.

Они ж только обещают...

— Я (театрально. Тем более, в маске):

— Нет правды на Земле!

Мастерица, уверенно:

— Ну почему нет? Есть! Просто нужно знать места!..

Мой старший сын Женя ищет собрание сочинений Чехова.

Пришел на одесскую «книжку».

— У вас собрание Чехова есть?

— Вам в коже, в золоте?

— Мне читать...

— Просто читать?.. Извините, такого нету.

Автор карикатур: Аркадий ЦЫКУН.

Георгий Голубенко

Житель города Уступинска, десять лет не встававший с инвалидного кресла, был привезен разбогатевшими родственниками на лечение в Израиль.

Местные хирурги сделали ему уникальную, может быть, единственную в своем роде операцию — и чудо произошло. Больной начал ходить! Сначала с двумя палочками, потом с одной, а потом и вообще без помощи посторонних предметов.

Затем он несколько недель путешествовал по Израилю, осматривал достопримечательности. Чувствовал себя прекрасно. И только в последний вечер перед отлетом на родину слегка простудился, прогуливаясь по тель-авивской набережной.

— Ну как тебе наша страна? — гордо спросили израильтяне перед посадкой в самолет.

— Страна как страна, — отвечал гость, сморкаясь в подаренный ему носовой платок. — Бывают, наверно, и покрасивше. А вот медицина у вас точно хреновая. Приехал больной — и уезжаю больной.

Хозяйка небольшой туристической фирмы в Нью-Йорке, бывшая одеситка, много лет записывает свои разговоры с клиентами, тоже бывшими одесситами.

Клиент:

— Скажите, пожалуйста, сколько стоит в вашем круизе каюта с окном?

— Четыреста долларов.

— А без окна?

— Двести.

— А нельзя заплатить как за без окна, но чтоб было с окном?

— Нет.

— А если я скажу, что не буду им пользоваться?

Осень на Дерibasовской. В Городском саду несколько художников и несколько нищих. Ко мне подходит старушка. Из-под того, что когда-то, по видимому, было шляпкой, блестит непобедимый одесский глаз.

— Молодой человек, вы не могли бы помочь мне материально? Видите ли, дело в том... Хотя, что я вам буду рассказывать... Вы же сами все понимаете...

Конечно, я понимаю. Конечно... Я лезу в карман и достаю из него все, что там есть. А именно — одну гривню. Она берет и уходит.

Через какое-то время подходит опять.

— Мадам, — говорю я ей, — но ведь я вам уже дал!

— Да, — говорит она, — конечно... Просто я тут посмотрела на ваше пальто... Простите, вам не кажется, что вы мне дали чересчур много?

— Ну что же теперь делать? — спрашиваю я.

— Да ничего, — отвечает она. — Просто я принесла вам сдачу.

Одесса. Приморский бульвар. Дородная дама рассказывает своей более молодой знакомой:

— Мне было тогда семнадцать лет! Я была чиста и невинна. Но разве этого негодяя это остановило?!

— Неужели он воспользовался вашей невинностью? — ужасается соседка.

— Наоборот! — возмущается дама. — Я же вам говорю: не остановило! То есть, несмотря на все мои вышперечисленные достоинства, столь притягательные для любого нормального мужчины, этот негодяй бежал от меня дальше, чем видел!

Элегантная дама совершает традиционный одесский вечерний моцион, то есть идет выбросить мусор. Пытается открыть мусорный контейнер. Не получается. За спиной галантный голос бомжа:

— Требуется помощь профессионала?

Жена спрашивает у доктора о здоровье мужа после операции:

— Доктор! Есть надежда?!

— Смотря на что вы надеетесь..

Время — лучший лекарь. Но плохой косметолог.

На Одесском рынке:

— Скажите, чем вы кормите свою курицу?

— А какая вам разница?

— Я тоже хотела бы так похудеть!

Основатель газеты **Евгений ГОЛУБОВСКИЙ**

Редактор
Наталья БРЖЕСТОВСКАЯ
Верстка
Полина КУЧИЕРСКАЯ

Веб-дизайн
Олег ТКАЧЕНКО
Фото **Б. Бухмана и А. Синельникова**

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Регистрационное
свидетельство № 508.
Тираж 500 экз.
Заказ №.
Газета отпечатана
в типографии «Черноморье».

Адрес редакции:
65014, Одесса,
ул. Маразлиевская, 7.
Тел.: (048) 725-45-67,
www.odessitclub.org